
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИИ

И ЕЯ ПРИЗВАНІЕ КЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЮ ПРАВОСЛАВНОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА ЗАПАДЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Предлагаемая статья есть переводъ только что изданной на нѣмецкомъ языкѣ брошюры: Die providentielle Stellung des Orthodoxen Russland und sein Berufe zur Wiederherstellung der rechtgläubigen catholischen Kirche des Abendlandes. Авторъ ея извѣстный, нынѣ уже присоединившійся къ православной церкви, докторъ богословія Овербекъ, котораго статья была помѣщена въ январской книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія*, 1869 г. По огромному значенію вопроса, которымъ онъ вторично занимается въ этой брошюрѣ, и по важности тѣхъ новыхъ сторонъ, которыхъ онъ касается по связи съ главнымъ вопросомъ, мы сочли нужнымъ передать читателямъ всю статью Овербека. Есть слухъ, что авторъ ея вмѣстѣ съ настоятелемъ русской посольской церкви въ Лондонѣ ожидается въ Петербургъ въ концѣ текущаго или въ началѣ будущаго года для непосредственныхъ объясненій съ представителями высшей церковной власти въ Россіи относительно предполагаемаго возстановленія православной западной церкви. Нужно радоваться, если это дѣло принимаетъ такой оборотъ, не оставаясь предметомъ только брошюръ или журнальныхъ толковъ. Но самая близость его къ какому-либо практическому осуществленію или по крайней мѣрѣ болѣе положительному рѣшенію должна въ каждомъ, кто сочувствуетъ ему и дорожить имъ, вызывать всю полноту вниманія, чтобы желаемая скорость рѣшенія не вела къ недоразумѣніямъ, равно какъ и медленность не

причишила охлажденія къ дѣлу, чтобы при выполненіи этаго дѣла были соблюдены всѣ существенныя начала православія, и чтобы такое важное дѣло, какъ возстановленіе православной церкви на Западѣ, было рѣшено общимъ согласіемъ представителей восточныхъ церквей.

1. Около 25-ти лѣтъ тому назадъ прогуливаясь съ однимъ пріятелемъ моимъ богословомъ, я затронулъ вопросъ, важность котораго съ каждымъ днемъ обнаруживается все болѣе и болѣе. Мы говорили о прагматическомъ воззрѣніи на исторію, которое старается прослѣдить Божій перстъ въ судьбахъ людей и народовъ и проникнуть въ божественный планъ міроуправленія. Мы говорили о возвышеніи и паденіи народовъ и ихъ различномъ призваніи въ исторіи воспитанія рода человѣческаго. При этомъ случаѣ мой другъ произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: «какъ романскіе народы должны были уступить мѣсто юному германскому племени, такъ и мы скоро вступимъ въ ту стадію, когда пробужденные къ самосознанію славяне явятся въ исторіи, и полныя свѣжихъ силъ займутъ на всемірной сценѣ мѣсто, указанное имъ Божиимъ Промысломъ». Слова моего друга нѣсколько времени казались мнѣ темными и загадочными, но я часто объ нихъ размышлялъ. Сначала они казались мнѣ не болѣе, какъ острою ученаго, который избралъ себѣ конькомъ странную идею и пробуетъ на ней свое остроуміе. Но когда славянскіе народы мало-по-малу пробудились и заявили себя въ исторіи, когда они привели въ порядокъ свой политическій бытъ и предъявили требованіе на право свободного самоопредѣленія, тогда и слѣпой долженъ былъ увидѣть, что между славянами началось движеніе, которое должно имѣть серьезныя послѣдствія и требуетъ внимательнаго наблюденія. Конечно, мы видимъ, что элементы движенія еще грубы, народы еще упорны и неповоротливы, орудія еще не приспособлены, и цѣль, къ которой они стремятся, еще темна и неопредѣленна, так-

же, какъ и ведущій къ ней путь. Далѣе мы видимъ много ошибокъ въ выборѣ средствъ и пути; самая же худшая ошибка—наклоненіе и подраженіе иностранному. Что не выросло на родной почвѣ, или не однородно съ ней, то не годно, и только можетъ повредить, какъ ядовитое, или чужеродное растеніе. Славянскіе народы, какъ и всѣ другіе, старающіеся занять мѣсто въ исторіи, еще часто ошибаются въ средствахъ, дѣлаютъ еще много промаховъ, многому еще должны научиться и многому разучиться, прежде чѣмъ дойдутъ до той степени внушающей уваженіе національной крѣпости, которая обусловливаетъ и обезпечиваетъ здоровый ростъ и ручается за высокое положеніе среди другихъ народовъ.

2. То, что мы сказали о славянахъ, можетъ быть примѣнимо и ко всѣмъ другимъ молодымъ народамъ. Они должны платиться за свое образованіе и умудряться отъ неудачъ, какъ это случается и въ жизни каждаго человѣка. Но возвышеніе славянъ представляетъ одну черту, которой мы не находили и не находимъ ни у какого другаго большаго народа, именно: тяготѣніе ихъ къ одному центру. Хотя естественно, что одноплеменные народы примыкаютъ другъ къ другу, но не менѣе естественно и то, что между ними возникаетъ ревность, чтобы одинъ изъ членовъ союза не превысилъ другихъ своимъ вліяніемъ и могуществомъ, и не поглотилъ слабѣйшихъ. Поэтому замѣчательно то явленіе, что народы славянскіе собираются вокругъ Россіи, какъ своего центра. Даже тамъ, гдѣ политическія отношенія связали ихъ съ неславянскими государствами, они смотрятъ на Россію нѣкоторымъ образомъ, какъ на свой нравственный центръ. Неоспоримо, что нѣкоторые славянскіе народы ревнивы къ своей индивидуальной независимости и хотятъ, во что бы то ни стало, сохранить свою національную самостоятельность, но и они чувствуютъ притяженіе къ Россіи, не смотря на безпрерывныя предостереженія иностранной прессы, проповѣдующей на любимую тему о стремленіи Россіи къ поглощенію народовъ. На чемъ же основывается эта притягательная сила Россіи? Можетъ быть, наличной притягательной силѣ ца-

ря, умѣющаго, подобно Карлу Великому или Наполеону, увлекать народы въ свой заколдованный кругъ? Или можетъ быть на русскихъ деньгахъ, которыя должны обрусить славянскихъ братьевъ? Но откуда у Россіи столько денегъ, чтобы подкупить чужеземныя правительства? Не доказываетъ ли ежедневный опытъ, что деньгами можно сдѣлать только лицемѣровъ, а не привлечь сердца цѣлыхъ народовъ. Нѣтъ, не личное вліяніе, не подкупъ, не интрига, собираютъ сердца славянскихъ народовъ около русскаго центра, но великая идея; одна изъ величайшихъ идей человѣчества, *не праздная идея, но существенная дѣйствительность* неразрывно связываетъ славянъ съ Россіей, хотя при этомъ не имѣется въ виду включенія ихъ въ составъ ея. Эта идея не то, что политики называютъ панславизмомъ, но безконечно выше его. Идея эта—всѣхъ объединяющее православіе (Pan-Orthodoxie).

3. Жизненная сила панславизма обезпечена, если онъ произрастаетъ изъ религіознаго корня православія, и слѣдовательно есть религіозно-политическое понятіе. Если же его разсматривать, какъ только политическое понятіе, то онъ шатокъ, какъ сама политика, когда она не имѣетъ въ своей основѣ истинной религіи. Въ Италіи и Германіи сдѣланы сильныя попытки къ объединенію и централизаціи. Но что такое панъигализмъ? Не болѣе, какъ несчастная попытка собрать во едино различныя непримиримыя племена. Пьемонтецъ ненавидитъ тосканца, тосканецъ ненавидитъ неаполитанца и т. д. Религіозный союзъ не существуетъ, такъ какъ панизмъ, невѣріе и суевѣріе раздѣляютъ націю.

Съверо-Германскій союзъ есть безъ сомнѣнія предвѣстникъ единства Германіи, но предположимъ, что это единство состоялось,—что былъ бы пангерманизмъ? Онъ былъ бы только олицетвореніемъ безрелигіознаго, новѣйшаго, государства, которое, именно потому, что игнорируетъ существованіе истинной религіи, скрываетъ въ себѣ плодотворное сѣмя раздора и распаденія.

4. Современное культурное государство есть продуктъ вза-

имодѣйствія протестантизма и римскаго католицизма въ области политической. Оно есть вынужденная сдѣлка безнадежный *modus vivendi*, способъ сожитія непримиримыхъ противорѣчій. Въ то время, какъ всякій вѣрующій въ Бога и безсмертіе души убѣжденъ, что онъ сотворенъ Богомъ и для Бога, и что его конечное назначеніе за предѣлами земной жизни, и что слѣдовательно *религія должна быть душой и средоточіемъ его жизни*,—новое государство говорить: «мы такъ раздробились въ религиозныхъ мнѣніяхъ, что не можемъ сойтись на общей религиозной основѣ, а между тѣмъ должны жить вмѣстѣ въ одномъ домѣ. Намъ остается только одно, если мы желаемъ жить въ мирѣ,—предоставить каждому религію, какъ его частное дѣло, и заниматься только земными дѣлами. Итакъ раздѣленіе церкви и государства—свободная церковь въ свободномъ государствѣ!»

Поверхностному наблюдателю это разсужденіе кажется тѣмъ справедливѣе и разумнѣе, что онъ слышитъ, какъ провозглашаютъ его какъ общепризнанную аксіому новѣйшей политики со скамей всѣхъ парламентовъ Европы. Значить, это истинно,— иначе не сошлось бы въ этомъ воззрѣніи такое множество просвѣщенныхъ людей—гласъ народа гласъ Божій!.. Конечно и іудейская толпа съ замѣчательнымъ единодушіемъ говорила на Голгоѣѣ: «Распи Его!»

Новѣйшія начала безрелигіознаго государства могли бы безъ сомнѣнія быть справедливы и разумны, еслибы государство и религія могли раздѣлиться. Но это такъ же невозможно, какъ невозможно у живаго человѣка отдѣлить душу отъ тѣла. И душа и тѣло соединены между собою тысячами тончайшихъ нитей, и именно это взаимодействіе служитъ основаніемъ чловѣческой жизни. Кто вздумаетъ раздѣлить эти связующія нити, тотъ произведетъ смерть. Даже медикъ, ближайшимъ образомъ имѣющій дѣло съ нашимъ тѣломъ, прежде всего долженъ обращать вниманіе на духовное состояніе своего пациента, иначе его лѣкарства не помогутъ. А религію—эту душу чловѣчества—безъ дальнихъ разсужденій отдѣляютъ отъ государства!

5. «Свободная церковь въ свободномъ государствѣ» величай-

шая ложь нашего времени и означаетъ только «несвободную церковь въ несвободномъ государствѣ.» Конечно, въ церковной и государственной жизни есть области, въ которыхъ объ эти силы не соприкасаются и вполне независимы другъ отъ друга. Въ этихъ областяхъ они могутъ мирно жить другъ возлѣ друга, какъ равноправные монархи. Но гдѣ же пограничная линия для этого мира? Ея нѣтъ. Не заходятъ ли объ силы въ своихъ притязаніяхъ довольно далеко въ области другъ друга? Не перейдетъ ли съ теченіемъ времени возгорѣвшаяся уже борьба въ истребительную войну! Для примѣра рассмотримъ двѣ спорныя области—обученія и брака. И обученіе и бракъ безспорно принадлежатъ вѣдомству церкви и государства. Пока объ силы дружно идутъ вмѣстѣ и имѣютъ одно общее основаніе, вопросъ, которой изъ нихъ собственно по праву принадлежитъ почва въ этихъ управляемыхъ сообща областяхъ, бесполезенъ и излишенъ; но какъ только между ними прекращается согласіе, какъ только объ требуютъ раздѣленія отцовскаго наслѣдства, чтобы на свой счетъ начать независимое веденіе дѣла, то начинается борьба, которая кончится не прежде, какъ когда одна изъ нихъ поглотитъ другую, или объ уничтожатъ другъ друга до основанія.

Разсмотримъ ближе объ эти спорныя области. Впервыхъ, ясно, что жизненный интересъ государства заключается въ вопросѣ объ обученіи. Теорія, стремившаяся въ извѣстныя времена сдѣлать изъ огромной массы подданныхъ только послушныя колеса мертвой машины, уже не существуетъ, потому что колеса начали размышлять, и искры, которыхъ не могли затушить, вспыхнули. Народъ думаетъ; онъ жаждетъ науки и образованія. И вотъ выступаетъ государство и говоритъ: «школа принадлежитъ мнѣ, потому что мое дѣло заботиться объ образованіи изъ народа разумныхъ гражданъ. Если на государствѣ лежитъ забота о санитарныхъ мѣрахъ для блага его подданныхъ, то въ его же рукахъ и попеченіе объ умственномъ образованіи народа. Моя школа должна приготовить здоровое тѣло и образованный умъ, главныя условія хорошаго гражданина.» Напротивъ церковь говоритъ:

«школа принадлежит мнѣ, потому что мой долгъ образовывать изъ народа добрыхъ христіанъ. Христіанство такъ тѣсно соединено со всякой отраслью знанія, что едвали найдется какаибудь школьная наука, на которую не имѣли бы какое-либо вліяніе религіозныя, или нерелигіозныя убѣжденія преподавателей. Одно обученіе религіи не можетъ удовлетворить церкви, такъ какъ религія должна проникать все школьное воспитаніе. Какую пользу можетъ принести обученіе религіи, когда подъ нее подкапываются систематически и въ исторіи, и въ естественныхъ наукахъ, и въ философіи и т. д.?» Кто же изъ нихъ правъ—церковь или государство? Оба,—но только соединенныя, а не раздѣленныя. Гдѣ здѣсь свободная церковь въ свободномъ государствѣ? Взгляните на страну Кавура. Народныя школы учреждены, сердца дѣтей и взрослыхъ заражаются ядомъ, внушается ненависть къ религіи и духовенству; проповѣдуется духовная и нравственная распущенность, примѣръ которой нерѣдко подають сами преподаватели. Неужели не горькая насмѣшка говорить о свободной церкви тамъ, гдѣ она пользуется только свободою подвергаться поруганію и осмѣянію!

Разсмотримъ же теперь вопросъ о бракѣ. Государство имѣетъ право знать своихъ гражданъ, имѣетъ слѣдовательно и право вести свои гражданскіе списки рожденій, браковъ и смертныхъ случаевъ. Приходскіе священники съ своей стороны могутъ вести то же въ приходскихъ спискахъ. До сихъ поръ все въ порядкѣ. Государство даже можетъ требовать, чтобы бракъ былъ заключенъ и граждански, какъ всякій другой контрактъ, для того, чтобы государство могло имѣть о немъ официальное свѣдѣніе. Но если оно расходится съ церковію въ понятіи объ условіяхъ и продолженіи брака, то возстаетъ глубокая непримиримая борьба, которая тѣмъ прискорбнѣе, что въ ней идетъ споръ о чести и добромъ имени (первомъ и величайшемъ земномъ благѣ человѣка). Подумайте только о тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда государство соединяетъ чету, бракъ которой невозможенъ по церковнымъ препятствіямъ: не освящаетъ ли и не прикрываетъ ли оно въ этомъ случаѣ защитой закона

отношенія—грѣховныя въ глазахъ церкви? Государство возражаетъ: «мнѣ нѣтъ дѣла до совѣсти договаривающихся лицъ. Требованія совѣсти они улаживаютъ съ своею церковью.» Но если церковь говоритъ: «вашъ бракъ, законный граждански, не законенъ въ глазахъ церкви и слѣдовательно не существуетъ предъ Богомъ», то что дѣлаетъ государство? Оно игнорируетъ приговоръ церкви и остается при своемъ распоряженіи. Что же изъ этого слѣдуетъ? 1) противорѣчіе между церковью и государствомъ въ отношеніи брака необходимо подрываетъ авторитетъ церкви; 2) государство подрываетъ институтъ брака и слѣдовательно общественную нравственность; 3) вносится въ гражданское общество раздвоеніе, котораго церковь не можетъ примирить не разрушая себя.

Теперь, по вопросамъ о школѣ и бракѣ, мы видимъ, что дѣло идетъ не о свободной церкви въ свободномъ государствѣ, что напротивъ государство считаетъ себя единственнымъ господиномъ, игнорируетъ церковь какъ не существующую, устроиваетъ свой бытъ по своему усмотрѣнію и предоставляетъ церкви, какъ она хочетъ справляться съ односторонне принятымъ распоряженіемъ; а если сладить съ этимъ она не можетъ, то позволяютъ ей роптать и протестовать, нисколько не заботясь объ этомъ. Итакъ государство *дѣлаетъ то, что ему угодно*, т.-е. пользуется полной свободой, церковь же *дѣлаетъ то, что можетъ*, т.-е. что дозволяетъ ей государство, слѣдовательно находится въ несомнѣнномъ порабощеніи. И такъ, не должны ли мы сказать: несвободная церковь въ свободномъ государствѣ? И этого нѣтъ. Государство несвободно, когда вторгается въ чуждую ему область. И такимъ образомъ съ теченіемъ времени окажется, что незаконные захваты государства производятъ реакцію, которая до основанія потрясетъ государство безъ религіи и сдѣлаетъ вопросомъ самое его существованіе. Борьба уже началась и не такъ скоро придетъ къ концу.

6. Кто виноватъ въ этой борьбѣ государства и церкви? Гдѣ корень зла? Многіе указываютъ на великую французскую революцію, какъ на исходный пунктъ новой эры государства

освобожденнаго отъ церкви. Но откуда же исходятъ государственные принципы самой революціи? Изъ англо-французской философіи энциклопедистовъ. На чемъ была основана эта философія? На принципѣ свободнаго изслѣдованія, введенномъ и развитомъ чрезъ протестантизмъ. Но что же породило протестантизмъ? Это—романизмъ въ его безмѣрныхъ духовныхъ и свѣтскихъ требованіяхъ. Еще со времени Виктора и Стефана папство обнаружило свое властолюбіе, но было удержано Востокомъ въ надлежащихъ границахъ. Притязанія Рима увеличивались все болѣе и болѣе, пока Востокъ, вслѣдствіе нововведеній, противныхъ вселенской церкви, и притязаній папства, отдѣлился отъ Запада и оставилъ его идти своимъ путемъ. Римъ, т. е. западный патріархатъ, казалось хотѣлъ вполне воспользоваться своимъ освобожденіемъ отъ тяжелой задержки въ своемъ движеніи подъ контролемъ восточной сестры. Въ продолженіи около 50 лѣтъ (1123 — 1179) было создано не менѣе трехъ такъ-называемыхъ вселенскихъ соборовъ, чтобы провозгласить Западъ единственнымъ представителемъ вселенской церкви и установить верховную власть папы, которая теперь составляетъ сущность романизма. Но нераздѣльная христіанская церковь никогда не допускала этой власти, да и самъ папа въ то время не дерзалъ ей домогаться, хорошо зная, что притязаніе его будетъ отвергнуто. Римляне стараются отождествить первенство и главенство, какъ понятія однозначущія. Но именно въ существенномъ различіи этихъ понятій заключается правильное разумѣніе «вселенскости», какъ она существовала до раздѣленія и донинѣ пребываетъ неизмѣнно въ православной церкви. Уловка римлянъ состоитъ въ томъ, чтобы игнорировать это различіе, или относиться къ нему слегка, или же сдуть какъ едва замѣтную пылинку. Если первенство (приматство) необходимо заключаетъ въ себѣ главенство, супрематію, какъ послѣдовательную форму развитія (по утвержденію римлянъ), то отчего же первыя дѣйствія папскаго главенства (при Викторѣ и Стефанѣ) вызвали въ церкви такой взрывъ негодованія? Еслибы тогдашніе епископы разумѣли

подъ первенствомъ то же, что разумѣютъ теперь римляне, то это негодованіе не объяснимо. Римляне удержали слово «первенство», но подложили подъ него ложный, не-историческій смыслъ. Они превратили первенство въ главенство и стали доказывать, что оба эти понятія синонимы. Православная же церковь всегда держалась древней католической истины, что первенство и главенство есть радикально различныя понятія и отстоять другъ отъ друга, какъ небо отъ земли, что между ними нѣтъ никакого моста, что первоначально человѣческое установленіе не можетъ съ теченіемъ времени преобразиться въ божественное, ибо эти понятія различны между собою не только количественно, по и качественно.

7. Здѣсь мы остановимся на минуту, потому что вопросъ «первенство» или «главенство» составляетъ собственное различіе между православіемъ и романизмомъ. Еслибы мы могли столкнуться съ лучшей и благомыслящей частью римскихъ католиковъ, то спорный вопросъ о раздѣленіи западной и восточной церкви, кажущійся такимъ запутаннымъ, былъ бы приведенъ къ самому простому выраженію. Справедливы тѣ, которые утверждаютъ, что папство (въ своемъ образованіи и развитіи послѣ раскола) есть главная и единственная причина раздѣленія обѣихъ церквей. Это не то значить, чтобы мы не признавали важности прочихъ спорныхъ пунктовъ, но то, что эти спорные пункты коренятся въ томъ главномъ и должны пасть вмѣстѣ съ нимъ. Если папство не всемогущій органъ догматическаго ученія и церковнаго управленія (какимъ считаютъ его римляне), то и *Filioque* не догматъ, и ограниченная власть епископовъ не невозвратимая потеря, и обязательное безбрачіе духовенства не обязательный церковный законъ и т. д.

Исходный пунктъ для оцѣнки различія между «первенствомъ» и «главенствомъ» представляетъ папа Викторъ I, о которомъ Рудольфъ Баксманъ («Die Politik der Päpste», Elberfeld 1868—1869. Band 1. P. 7) говоритъ: «Викторъ I, съ котораго нѣкоторые начинаютъ историческую доказательность папства

конечно вполне сознавалъ значеніе своей каѳедры, возводимой до Петра, и дѣйствовалъ въ дѣлахъ богослуженія и ученія какъ человѣкъ рѣшительный и гордый сознаниемъ своего іерархическаго достоинства, и въ этомъ отношеніи былъ прототипомъ Григорія и Иннокентія. Но и онъ, какъ и его преемники, получилъ надлежащій урокъ. Безъ вреда для существеннаго единства духа, существовали другъ подле друга національныя церкви: малоазійская, африканская въ Египтѣ, и латино-африканская». Здѣсь авторъ-протестантъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое показываетъ, что романизмъ былъ отцемъ протестантизма и врагомъ православія. «Вѣчный Римъ, говоритъ онъ, могъ славиться предъ малоазійскою церковью тѣмъ, что онъ не только держался древняго преданія, но и зналъ развитіе и движеніе впередъ». Значить—развитіе и движеніе впередъ *на счетъ* древняго, переданнаго апостолами, потому что въ одномъ дѣлѣ нельзя въ одно и то же время и держаться древняго и стремиться къ новому, какъ это оказалось въ спорѣ малоазійской церкви. Эта идея развитія и стремленія впередъ, какъ она оказывается въ римской церкви въ области догматовъ и апостольскаго преданія, что есть иное, какъ не новѣйшая протестантская идея усовершенности христіанства! Послушаемъ, что говоритъ ревностный католикъ-профессоръ Гагеманъ (*Die Römische Kirche und ihr Einfluss auf Disciplin und Dogma in den ersten drei Jahrhunderten.*» 1864). Кратко изложивъ рассказъ Евсевія о спорѣ между Поликратомъ и Викторомъ, онъ продолжаетъ: «Очевидно, что здѣсь по любви къ преданію существующее должно строго сохраняться несмотря на то, что разумъ и христіанство (!) говорятъ за лучшую практику западной церкви. Здѣсь обнаруживается оцѣпенѣлая неподвижность, тормозящая всякую здравую попытку улучшенія, и несправедливое преувеличеніе справедливаго самого по себѣ церковнаго принципа». Итакъ принципъ преданія признанъ церковнымъ и каѳолическимъ, но преувеличеніе его несправедливо. Преданіе стояло на сторонѣ Поликрата, а справедливость все-таки на сторонѣ Виктора. Какую же цѣну имѣетъ преданіе, если оно

не руководить насъ безопасно? И какія же правила должны предохранить насъ при пользованіи преданіемъ отъ преувеличенія его? Гагеманъ отвѣчаетъ: разумъ и христіанство. И такъ принципъ субъективнаго раціонализма (какъ проповѣдуетъ протестантизмъ) есть первое начало, которое должно руководить нами въ выборѣ и употребленіи преданія. И если разумъ говорилъ Поликрату, что разумнѣе всего твердо держаться апостольскихъ установленій, потому что апостолы это дѣло знали лучше насъ, то разумъ Поликрата не былъ ли столь же справедливъ, какъ и ведущій къ противоположному результату разумъ Виктора? Но такимъ образомъ дѣло идетъ въ области раціонализма, здѣсь собственный разумъ господина есть разумъ, а все то, что уклоняется отъ этого—неразуміе. Но что Гагеманъ разумѣетъ подъ вторымъ началомъ—христіанствомъ,—этого мы не знаемъ, да вѣроятно и самъ онъ. Христіанство учитъ насъ держаться преданія (2 Тессал. 2, 15), а не передѣлывать его «раціональнымъ» образомъ.

Гагеманъ продолжаетъ: «Посланіе Фирмилиана изъ Кесаріи къ Кипріану по вопросу о крещеніи еретиковъ очень пригодно для объясненія такого преувеличенія преданія въ малоазійской церкви. Папа Стефанъ въ этомъ случаѣ очень строго указывалъ на преданіе. Всякое нововведеніе было имъ запрещено. Преданіе должно ненарушимо сохраняться. Этимъ уваженіемъ къ преданію онъ затронулъ самую чувствительную сторону малоазійской церкви. Фирмилианъ въ своемъ посланіи къ Кипріану очень часто возвращается къ этому пункту. Цѣлью его, кажется, было ослабить это сильнѣйшее доказательство своего противника. Онъ замѣчаетъ: «Римляне (сами) не во всемъ соблюдаютъ первоначальное преданіе и напрасно ссылаются на авторитетъ апостоловъ». Стефанъ старался снова установить главенство, ввести которое такъ тщетно пытался Викторъ. Какъ Викторъ съ этой цѣлью подкапывался подъ преданіе, такъ Стефанъ, въ спорѣ о крещеніи еретиковъ, дѣйствовалъ совершенно противоположно ему, поэтому онъ и побѣдилъ; и для христіанства было бы лучше, еслибы Стефанъ

и другіе папы мѣрилиомъ своихъ притязаній имѣли апостольское преданіе. Но, какъ справедливо замѣчаетъ Фирмилианъ, какъ можетъ въ одномъ какомъ-нибудь пунктѣ опираться на преданіе тотъ, кто устраняетъ его въ другихъ? Папы въ своихъ дѣйствіяхъ ссылаются на преданіе только тогда, когда оно имъ благоприятствуетъ, и не знаютъ его, искажаютъ или умаляютъ, когда оно имъ противорѣчитъ.

8. Что папское высокомѣріе продолжало созидать храмъ для собственнаго обоготворенія, это—естественное слѣдствіе первороднаго грѣха. Богъ допустилъ это, какъ допустилъ строеніе Вавилонской башни, но Онъ не дастъ башнѣ возвыситься до неба. Подчиненность Риму всегда была лозунгомъ жаждущихъ главенства папъ. Какъ скоро имъ уступали и подчинялись—они были добрыми и снисходительными властителями, которые не отличались строгостью относительно всего прочаго и не затрудняли пути къ небу. Когда св. Меѳодій ввелъ славянскую литургію, не испросивъ на то дозволенія папы, то начался несносный споръ, о которомъ Баксманъ замѣчаетъ (II S. 56): «Въ этомъ случаѣ вниманіе папы главнымъ образомъ было обращено на подчиненіе Риму. Когда главенство папскаго престола было признано хотя только на словахъ, то Іоаннъ былъ много снисходительнѣе и даже не настаивалъ такъ сильно на *Filioque*, какъ это опъ выразилъ предъ Фотіемъ, съ которымъ онъ опять примирился въ послѣднее время своего правленія».

Пока папское главенство ограничивалось подчиненіемъ князей и епископовъ и желаніемъ властвовать надъ всѣмъ, дѣло было еще не такъ дурно. Но какъ только папа захотѣлъ быть властелиномъ вѣры и передѣлывать догматы и уставы по своему усмотрѣнію, тогда вполне проявилась его разрушительная для цѣркви сила. Хотя и неудивительно, что главенство, происшедшее изъ неуваженія къ апостольскому преданію, должно было распространить свой произволъ и на послѣдніе вѣры, но благоговѣйный страхъ и союзъ съ восточной сестрою удержива

ли Римъ въ границахъ православія. Хотя въ западной церкви и были особенныя мнѣнія, но только послѣ ея раздѣленія папа дерзнулъ возвести ихъ въ догматы. И какъ только папство вступило на этотъ скользкій путь, то не было и не будетъ конца развитію до тѣхъ поръ, пока изъ первой лжи— что папство существуетъ по божественному праву (*juris divini*)—не было выведено заключеніе, что папа непогрѣшимъ: будете какъ боги! Такъ соединены въ страшномъ кругу эти двѣ лжи, какъ кусающій себя за хвостъ змѣй райскій.

Не удивительно, что такое худое созданіе, какъ главенство, при своемъ развитіи нуждалось въ помощи лжи и обмана. Основаніе и утвержденіе власти римской церкви (какъ говоритъ Фрошаммеръ («*Das Recht der eigenen Ueberzeugung*») совершилось посредствомъ поддѣлокъ и преимущественно посредствомъ лже-исидоровыхъ декретарій. Поддѣлки эти состояли въ томъ, что права и опредѣленія, заявленныя римской церковью въ позднѣйшее время, были перенесены въ самое раннее время и чрезъ это ихъ авторитетъ былъ защищенъ и утвержденъ. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что были эти поддѣлки въ большемъ размѣрѣ въ пользу римской іерархіи, и что только въ позднѣйшее время ихъ ложность была признана и публично открыта наукой. И на эту ложь цѣлые вѣка опирался высшій церковный авторитетъ, на ней основалъ онъ всѣ свои притязанія и ею подавлялъ всѣ противорѣчія! Вопросъ теперь въ томъ—достойно ли это дѣйствительно божественнаго авторитета, могутъ ли подобныя ложь и обманъ быть надлежащимъ основаніемъ для церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины, и почему, если (римская) церковь непогрѣшима, она не признала этой лжи и не отказалась отъ нея тотчасъ же? Нельзя противъ этого возражать тѣмъ, что это было дѣло историческаго изслѣдованія,—потому что здѣсь дѣло идетъ не о безразличныхъ историческихъ фактахъ, а о такихъ, на которыхъ ссылались для утвержденія божественнаго права, и на которыхъ основывались высшія притязанія римской іерархіи.

Положимъ, что теперь были бы представлены церкви такія поддѣлки подъ печатью глубочайшаго молчанія, чтобы на нихъ основать опредѣленные притязанія,—не должна ли она была бы рѣшительно отвергнуть ихъ вслѣдствіе своей истинности и святости? Нѣтъ, какъ теперь, такъ и тогда, она должна была это сдѣлать ради своей истинности и святости, и если она была дѣйствительно непогрѣшима, то должна была тотчасъ же открыть обманъ, такъ какъ онъ касался ея *собственного внутренняго существа*. Основывая непогрѣшимый церковный авторитетъ не долженъ ли Богъ дать ей способность узнать обманъ, который при своемъ раннемъ или позднемъ открытіи могъ такъ сильно ее компрометировать и подвергнуть сомнѣнію не только ея прозорливость, но и честность? Слѣдовательно непогрѣшимость (римской) церкви не оказывается здѣсь фактически, такъ какъ наука должна была первая узнать и открыть этотъ обманъ. Какъ же этотъ церковный авторитетъ можетъ вести науку ко всякой истинѣ и господствовать надъ ней, и какъ онъ можетъ быть безошибочнымъ вождемъ для государствъ ко всякой правдѣ послѣ того, какъ цѣлыя столѣтія онъ долго не узнавалъ обмана въ своей собственной организаціи?

9. Это начало лжи, перенесенія позднѣйшихъ отношеній и воззрѣній на болѣе раннія времена Фрошаммеръ указываетъ въ самомъ происхожденіи папства. Онъ говоритъ: «Какія есть положительныя свидѣтельства и доказательства за безусловный авторитетъ римскаго папы, за личную его непогрѣшимость? Гдѣ оправданіе того, что именно римскій епископъ присвояетъ себѣ божественное полномочіе? Желаящій отвѣчать на этотъ вопросъ съ христіанской точки зрѣнія, прежде всего станетъ изслѣдовать, есть ли объ этомъ какое-либо изреченіе, какое-либо распоряженіе самого Христа или по крайней мѣрѣ есть ли что-нибудь такое въ писаніяхъ апостольскихъ. Но онъ напрасно будетъ искать. Христосъ нигдѣ не даетъ даже малѣйшаго намека, чтобы Римъ назначался средоточіемъ и главою Его религіи, устроеннаго Имъ царства Божія на землѣ, чтобы епископу Рима принадлежала власть надъ всею церковію или

надъ всѣмъ міромъ. Онъ нигдѣ не говоритъ объ основаніи какого-либо владычества, правительственной власти, имперіи; напротивъ Онъ ясно запрещаетъ ученикамъ Своимъ обладаніе (Лук. XXII, 25; Мѣ. XX, 25; Марк. X, 42). Какъ же это возможно, если безусловное владычество римскаго епископа должно быть самымъ важнѣйшимъ дѣломъ для Его царства, если это царство на немъ должно быть основано и если безъ признанія этой духовной власти Рима никто не можетъ участвовать во Христѣ и Его дѣлѣ? Относительно такого важнаго, все рѣшающаго римскаго учрежденія не должна ли быть ученикамъ Его и всѣмъ вѣрующимъ сообщена полная ясность и вѣрность посредствомъ опредѣленнаго, рѣшительнаго изреченія и распоряженія о Немъ? Но и слѣда нѣтъ этого. Апостолы также ничего объ этомъ не говорятъ. И даже у церковныхъ писателей первыхъ вѣковъ христіанства встрѣчаются кое-гдѣ только намеки на значеніе Рима для христіанской церкви или на римскую церковь, и они *только съ трудомъ могутъ быть перетолкованы въ свидѣтельство о римскомъ первенствѣ*. Возможно ли было бы все это, еслибы Самъ Христосъ хотѣлъ облечь Римъ и его епископа безусловнымъ, все рѣшающимъ авторитетомъ. При такихъ обстоятельствахъ, какимъ образомъ римское первенство можетъ быть признано за непосредственно божественное, сверхъестественное установленіе, когда нѣтъ для сего ни одной твердой точки опоры? По крайней мѣрѣ наука не находитъ ни одной; напротивъ даже находитъ основанія противъ сверхъ-естественнаго или непосредственно божественнаго характера верховенства римскаго епископа. Если разсмотрѣть состояніе міра во время происхожденія и распространенія христіанства, господствующее положеніе Рима въ отношеніи къ различнымъ народамъ, странамъ и городамъ, дадѣе, если сообразить то обстоятельство, что глава государства императоръ, именно во время усиленія христіанства, оставилъ Римъ, чтобы основать императорскую резиденцію въ Константинополѣ, то окажется, что перевѣсъ римскаго епископа произошелъ совершенно *естественно*, что если должно было произойти вообще

первенство въ христіанской церкви, то это могло быть только въ Римѣ. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не было столько благопріятствующихъ *естественныхъ* условій, какъ въ Римѣ, нигдѣ столь мало не было нужды для сего въ сверхъестественномъ дѣйствіи, или установленіи, какъ въ Римѣ. Было бы даже болѣе удивительно, еслибы при столь благопріятныхъ *естественныхъ* историческихъ обстоятельствахъ не произошло тамъ первенство. Сверхъестественный характеръ церковнаго приматства уже потому самому недопустимъ, что оно образовалось въ Римѣ, гдѣ оно и безъ того должно было произойти по естественному ходу вещей. Событіе, которое можетъ и даже должно произойти изъ естественнаго теченія вещей, которое можетъ легко быть объяснено изъ естественныхъ обстоятельствъ, нельзя признать сверхъестественнымъ, непосредственно-божественнымъ и чудеснымъ,—по крайней мѣрѣ для такого признанія нѣтъ вѣрныхъ критеріевъ и мотивовъ. Еслибы какое-нибудь исторически незначительное мѣсто сдѣлалось средоточіемъ христіанской церкви, тогда бы еще можно было видѣть въ этомъ дѣло высшаго устроенія или вліянія, а что Римъ сталъ этимъ средоточіемъ, это исключаетъ принятіе высшаго вліянія и не даетъ для сего никакого основанія». Къ этому авторъ присовокупляетъ замѣчаніе: «все это тѣмъ болѣе важно, что нельзя исторически ясно и вѣрно доказать, чтобы Петръ, въ качествѣ преемниковъ коего папы предъявляютъ свои притязанія, былъ въ Римѣ и умеръ тамъ. Мы не говоримъ, чтобы можно было вѣрно доказать противное, но дѣло это совершенно спорное, и уже это имѣетъ роковое значеніе въ виду римскихъ притязаній. Не должно ли было божественное Откровеніе позаботиться о томъ, чтобы это важнѣйшее и рѣшительное основаніе римскаго приматства ясно и твердо было поставлено выше всякаго сомнѣнія, дабы эти римскія притязанія на приматство не были постояннымъ поводомъ къ спорамъ и раздору, какъ это было на самомъ дѣлѣ, вмѣсто того, чтобы имъ быть полезными для церкви? Какое же это божественное основаніе, которое такъ не твердо и не ясно, что изъ за-него возникаютъ

постоянные споры, и что для подкрѣпленія римскихъ притязаній нашлись вынужденными прибѣгнуть ко всяческимъ обманамъ. Замѣчательно, — какъ основаніе (фундаментъ) римской вѣры, требуется вѣра въ такой фактъ, для котораго нѣтъ даже вѣрнаго свидѣтельства человѣческаго, просто историческаго, не говоря о вѣрномъ подкрѣпленіи его посредствомъ божественнаго свидѣтельства; между тѣмъ какъ на этой вѣрѣ безъ твердаго свидѣтельства должна опираться вѣра въ безусловный авторитетъ римскаго епископа.

10. Вѣрнѣйшее испытаніе истины и достовѣрности какого-либо начала состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить это начало до самыхъ крайнихъ его выводовъ. Если начало не истинно или полуистинно, то въ теченіи процесса уже обнаружится заблужденіе. Если напротивъ оно истинно, то процессъ все съ большею и большею ясностію и неопровержимостію будетъ показывать истину. Есть конечно родъ боязливыхъ людей, которые кричатъ: «только не доводите до крайности,» но эти люди середины не что иное, какъ въ половину вѣрующіе, которые въ тайнѣ боятся, что ихъ начало при ближайшемъ разсмотрѣніи не выдержитъ пробы. Если теперь римляне признаютъ папство за установленное Богомъ учрежденіе къ сохраненію вѣры въ чистотѣ и къ управленію церкви, то они въ полномъ правѣ выводить изъ сего дальнѣйшія послѣдствія. Въ этомъ отношеніи самые крайніе ультрамонтаны суть самые послѣдовательные люди и весьма заслуживаютъ нашу признательность. Такъ называемые либеральные католики, которые желаютъ божественнаго папства, но безъ его послѣдствій, которые хотятъ поддержать падающую колесницу, чтобы она не разбилась въ дребезги, это — благоразумные люди середины, которые однако въ концѣ концовъ ничего не достигаютъ, кромѣ того, что волей-не-волею составляютъ арріергардъ ультрамонтанства. Такъ дѣло было въ спорѣ гермесіанскомъ и гюнтеровскомъ; такъ было при введеніи догмата «о непорочномъ зачатіи» Дѣвы Маріи; такъ будетъ при утвержденіи догмата о непогрѣшимости папы — много шуму сначала, мало дѣла

послѣ. Громко протестуютъ, говорятъ о свободѣ, не хотятъ быть вмѣсто наковальни, но если папа наконецъ открываетъ свои уста, приходятъ таки, хотя и безмолвно, медленно и съ кисло-сладкимъ видомъ. Столько уже свободныхъ умовъ тысячелѣтняя привычка къ папскому поработченію склонила долу, что они при всемъ своемъ лучшемъ разумѣніи идутъ по пути своихъ отцовъ, не изслѣдуя, есть ли онъ вообще правый, католическій «царскій путь.» Нѣтъ сомнѣнія, что между протестующими католиками, понимающими важность времени и злоупотребленія папства, есть нѣсколько избранныхъ, твердыхъ и рѣшительныхъ душъ, которыя предпочитаютъ истину ложному направленію вѣковой привычки и станутъ дѣйствовать сообразно съ своимъ убѣжденіемъ. На этихъ избранныхъ мы созидаемъ нашу надежду и къ нимъ обращаемъ эти слова: вы боитесь отъ предстоящаго возведенія въ догматъ ученія о непогрѣшимости папы великой опасности для католической церкви, но не допустили ли уже вы *de-facto* эту непогрѣшимость? Не принять ли исключительно вслѣдствіе провозглашенія папою догматъ о непорочномъ зачатіи, какъ обязательный членъ вѣры? Нѣтъ, не развитіе папства, имѣющаго притязаніе на божественное право и возвышеніе въ непогрѣшимый органъ, но самое это мнимое божественное право папства составляетъ большое мѣсто и корень зла. Если вы разъ признали, что папство есть не просто церковное, но прямо божественное установленіе, то вы должны принять и естественно вытекающія отсюда послѣдствія, а самый послѣдній выводъ есть безъ сомнѣнія непогрѣшимость папы, которая справедливо представляется вамъ чудовищною, хотя она есть только логическій выводъ изъ ложныхъ посылокъ. Устраните посылки, —и заключеніе падетъ само собою.

11. Ученіе о непогрѣшимости папы находятъ между церковнѣйшими католиками рѣзкихъ противниковъ, какъ напр. въ адресѣ мірянъ боннскихъ и кобленцскихъ къ кельнскому архіепископу и трирскому епископу, въ сочиненіяхъ Михеліса, Ліано и аббата де-Сенъ Поля. Профессоръ Михелісъ, который

уже сдѣлалъ нападеніе на обскурантизмъ своими «50 тезисами объ образованіи современныхъ церковныхъ дѣлъ», недавно издалъ сочиненіе «Непогрѣшимость папы при свѣтѣ каѳолической истины» (Braunschw., 1869 г.) Авторъ предвидитъ, что школа, его вдохновляющая, стоитъ на готовѣ взять въ руки будущее образованіе нѣмецкаго католическаго клира.» Онъ логически доказываетъ, что объявленіе догмата непогрѣшимости папы *передълаетъ и разрушитъ* все церковное устройство, которое въ католической церкви признается установленнымъ Самимъ Христомъ. И аббатъ де-Сень-Поль въ сочиненіи своемъ, направленномъ противъ архіепископа Маннинга «Ультра-католицизмъ въ Англіи» высказывается еще сильнѣе. Самъ Белларминъ, говоритъ онъ, смотритъ на папство, какъ на ограниченную монархію. Непогрѣшимость папы съ перваго взгляда кажется только благочестивымъ преувеличеніемъ преданности къ папѣ, но при точнѣйшемъ разсмотрѣніи она окажется «революціею въ церкви и обществѣ». Ультракатолическая школа, можетъ быть безсознательно, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно есть врагъ истинныхъ началъ религіозныхъ, политическихъ, соціальныхъ, непримиримый врагъ всякаго законнаго и свободнаго обнаруженія мнѣній противоположныхъ ея доктринамъ и самый ревностный апостоль религіознаго и политическаго абсолютизма. И ученики этой гибельной школы всегда являются въ авангардѣ партіи антилиберальной и реакціонерной, одобрителей угнетенія, защитниковъ мѣръ, стѣсняющихъ свободу гражданина, поклонниковъ подавляющей силы, приверженцевъ абсолютныхъ теорій, которыя суть отрицаніе естественнаго порядка законовъ и нравъ совѣсти, нравъ и обязанностей челоуѣка и гражданина,—преобладаніе которыхъ въ теченіе полувѣка выконало неизмѣримую пронасть между церковію и новѣйшимъ обществомъ». Потомъ опъ продолжаетъ: «Мы не боимся сказать, что ультра-католицизмъ, разоблаченный отъ ложнаго вида, закрывающаго его природу и его опасную силу, ультра-католицизмъ, приведенный къ своему простѣйшему выраженію, есть арсеналь распрей и очагъ постоянной войны между религіоз-

нымъ и гражданскимъ обществомъ. И какъ могло бы быть иначе? Если для того, чтобы быть дѣйствительно православнымъ католикомъ необходимо быть практически и теоретически крайнимъ ультрамонтаномъ, то нѣтъ ни одного просвѣщеннаго человѣка, какъ бы ни мало онъ цѣнилъ свое человѣческое и гражданское значеніе, который бы захотѣлъ подчиниться столь унижительному положенію, который бы не предпочелъ *оставить церковь*, чтобы въ религіозномъ равнодушіи искать убѣжища для своей возмущенной совѣсти... Ложный духъ системы не бываетъ ли всегда источникомъ ложной науки, источникомъ нетерпимости и неправды? Поэтому мы сожалѣемъ, нисколько тому не удивляясь, объ опасности школы, которая принуждена перестраивать исторію по началу противорѣчія и въ интересѣ своихъ абсолютистскихъ основоположеній. Ультрамонтанизмъ почитаетъ благочестивымъ дѣломъ обвинять въ ереси и въ схизмѣ тѣхъ, которые такъ преступно просты, что остаются непоколебимо вѣрны преданной вѣрѣ своихъ отцевъ.

Каждый дальновидный православный католикъ долженъ отъ всего сердца желать, чтобы предстоящій римско-ватиканскій соборъ состоялся и шелъ безпрепятственно; ибо отцы собора и особенно папа Пій будутъ самыми лучшими пособниками въ разрушеніи римской и возстановленіи нашей западно-православной церкви. Конечно, іезуиты попытаются сдѣлать еще какую-нибудь заплату въ гниломъ зданіи. Они для боязливыхъ либеральныхъ католиковъ будутъ эластическимъ образомъ толковать и передавать опредѣленія собора. Они будутъ усиливаться доказать, что дѣло въ концѣ концовъ осталось по старому, что не надобно понимать слова такъ строго, что практика многое сглаживаетъ, что въ теоріи кажется затруднительнымъ и т. д. Между тѣмъ они думаютъ вмѣстѣ съ папою: *quod decretum est, decretum est* (что рѣшено, то рѣшено), и мы можемъ въ удобное время сдѣлать изъ того употребленіе, послѣ того, какъ мы такъ долго вышколивали и воспитывали нашихъ вѣрующихъ. Но между римскими католиками есть и смѣтливые

люди, которые не такъ легко, какъ большинство, дадутъ себя въ обманъ. Начало двусмыслія или лучше многосмыслія есть душа іезуитизма и романизма, которымъ онъ овладѣлъ уже три вѣка. Іезуиты господствуютъ чрезъ папу и для папы или собственно чрезъ папу для себя. Если папа непогрѣшимъ, то собственно они непогрѣшимы и всемогущи. «Папа отожествляется съ церковію и дѣлается на землѣ Богомъ, которому все должно безусловно и слѣпо покоряться. Не пускаясь въ сравненіе лицъ, мы однако должны сказать, что эта централизація и обожествленіе, котораго теперь домогаются въ Римѣ, нѣсколько напоминаетъ старое время римскихъ императоровъ съ ихъ всемогуществомъ и божественнымъ достоинствомъ въ противоположность съ безсильнымъ, отжившимъ рабскимъ міромъ съ одной стороны, и съ живымъ выступающимъ съ духовною мощію христіанствомъ съ другой, христіанствомъ, которое готово было оказывать римскому императору человѣческую покорность, но отказывало въ божеской чести ему—человѣку слабому, брэнному. Есть также и преторіанцы со времени возстановленія ордена іезуитовъ; и еще въ другомъ отношеніи можно сдѣлать сравненіе между тогдашнимъ и теперешнимъ. Римская политическая мудрость имѣла обыкновеніе собирать въ Римѣ благородныхъ юношей покоренныхъ народовъ и тамъ воспитывать ихъ въ римскомъ духѣ, дабы они вели пропаганду въ пользу Рима или по крайней мѣрѣ чрезъ возбужденіе раздора ослабляли силу народовъ. И теперь ежегодно посылается въ Римъ множество даровитыхъ юношей, чтобы они въ извѣстномъ коллегіумѣ образовались въ римской схоластической наукѣ, прониклись неуваженіемъ и отвращеніемъ къ новѣйшей, особенно нѣмецкой наукѣ и приготовились къ подавленію послѣдней и распространенію первой» (Фрошаммеръ, стр. 179).

12. Есть два обстоятельства, которыя въ глазахъ публики представляютъ въ болѣе легкомъ свѣтѣ римскія нововведенія въ ученіи и управленіи церковномъ. Это съ одной стороны іезуитская двусмысленность въ выраженіи папскихъ опредѣ-

леній и распоряженій, такъ что каждая партія можетъ въ нихъ читать то, что ей нравится. Съ другой стороны столько положеній, опредѣленій и распоряженій отъ папъ было вышущено въ міръ, хотя міръ не получалъ о томъ ни малѣйшаго свѣдѣнія. Папы давно бы уже сдвинули міръ съ его полюсовъ, но даже въ періодъ ихъ всемогущества, міръ шелъ своимъ порядкомъ, какъ было угодно Богу, а не папамъ. Поэтому—публика думаетъ—нѣтъ нужды и придавать столько вѣсу папскимъ словамъ. Что въ нихъ на самомъ дѣлѣ практично, то исполнится; а что напротивъ превратно, преувеличено и не сообразно съ временемъ, то, какъ выскѣвки, вѣтромъ унесется и забудется. Даже чѣмъ больше возстаютъ противъ папскихъ словъ, тѣмъ больше только подымается пыли, и притомъ совершенно безъ нужды. Надо только спокойно предоставить его святѣйшеству высказываться; затѣмъ можно почтительно игнорировать то, что несостоятельно или несообразно съ временемъ. Таковъ взглядъ людей мирныхъ. Но нельзя съ этимъ дѣломъ покончить такъ просто и мирно. Гдѣ ложь утверждается смѣло и нагло, тамъ обязанность самаго миролюбиваго человѣка—рѣшительнымъ образомъ вступить за истину и не скрывать ее. Гдѣ притязаніе выставляется какъ право, тамъ умѣстенъ протестъ, не потому—чтобы притязаніе отъ своей давности могло сдѣлаться правомъ, но чтобы міръ и потомство вѣдали, что не предавались сну въ то время, какъ злой врагъ сѣялъ плевелы посреди пшеницы. Папы всегда держались такой практики — требовать больше, чѣмъ они разумно могли ожидать, что имъ уступятъ князья и народы. Отсюда произошла практика князей и народовъ спокойно предоставлять папѣ требовать, а давать ему только то, что имъ заблагоразсудилось. Такой образъ дѣйствія былъ вреденъ, ибо папы никогда не отрекались отъ сдѣланныхъ однажды требованій, хотя они на время молча принимали то, что имъ давали, потому именно, что они не могли больше получить. Но требованіе сдѣлано и его хранили въ архивѣ, чтобы въ удобное время снова вынести его и предъявить какъ

древнее опредѣленіе. Поэтому-то Пій IX *на словахъ* могущественнѣе Григорія VII и Иннокентія III. Пора наконецъ эти притязанія и требованія рѣшительно отбросить въ царство сновиднѣй и мечтаній, куда и принадлежатъ они; пора высказать въ словахъ то, что исторія доказала фактически, именно что папство съ жадностію простирало руки на чужое достояніе, и опустошало апостольское наслѣдіе въры.

Въ наше время благочестивыя папскія газеты подозрѣвали во всѣхъ возможныхъ видахъ нелѣпное положеніе, будто *папское государство изъ всѣхъ государствъ Европы есть единственно законное или по крайней мѣрѣ самое законное государство*. Но столь же хорошо можно утверждать противное сему, ибо исторія произноситъ другой приговоръ о царствѣ. Какъ же отдѣлаться отъ словъ Спасителя: «царство Мое не отъ міра сего», какъ бы смѣло ни толковали ихъ? И если Спаситель повелѣваетъ Петру вложить мечъ въ ножны, то какъ мнимый преемникъ Петра можетъ присвоивать себѣ право извлекать мечъ изъ ноженъ? Впрочемъ іезуиты умѣютъ вывернуться изъ такихъ мелочей. Со времени Константина Великаго папа чрезъ подарки императоровъ и богатыхъ частныхъ людей скоро нажилъ очень богатое имѣніе, такъ-называемое *Patrimonium Petri* (наслѣдство Петра), которымъ онъ владѣлъ какъ собственникъ, но безъ всякихъ правъ государя. Эта частная собственности была усердно и очень сомнительными средствами увеличена. Вспомнимъ только о позорномъ поспраніи всѣхъ законныхъ правъ, когда папа Захарія устранилъ законнаго Хильдерика III, чтобы возвести на престолъ Пипина Малаго, на томъ простомъ основаніи, чтобы увеличить свое владѣніе клочкомъ земли, который даже и не принадлежалъ признательному дарителю. Но и франки признавали папу не государемъ, а только леннымъ владѣльцемъ, хотя папа уже восхитилъ верховное право византійскихъ императоровъ, сдѣлавъ Пипина римскимъ патриціемъ. Для подкрѣпленія правъ папы, какъ государя, была выдуманна сказка о Константиновомъ дарѣ. Такова римская законность! Если ложь вслѣдствіе дав-

ности даетъ основаніе праву, тогда конечно Римъ законенъ такъ же, какъ всякій счастливый узурпаторъ.

13. На такомъ подозрительномъ земномъ основаніи стоитъ папство. Благочестивые и просвѣщенные католики говорятъ, что земная сторона папства не касается существа божественнаго учрежденія, что мірское званіе государя связано съ папствомъ, какъ чисто внѣшнее, что должно быть строго отдѣляемо отъ существа папства и есть чисто человѣческая приставка, которая можетъ безъ всякаго вреда быть устранена. Въ Римѣ не знаютъ этого взгляда, и совершенно справедливо, ибо духовная сторона папства есть именно плодъ мірскаго характера папства. Папы, управлявшіе міромъ, хотѣли управлять и небомъ. Всякое земное приобрѣтеніе оказывало свое воздѣйствіе на разширеніе владычества въ духовной области. По мѣрѣ того, какъ возрастала власть папы—царя, умалаясь власть епископовъ и соборовъ. Могъ ли бы папа сдѣлаться тѣмъ, что онъ есть теперь въ качествѣ духовнаго владыки, еслибы онъ оставался скромнымъ преемникомъ рыбака, помня слова: *воздавайте Кесарю Кесарево и Богу Божіе*. Гдѣ теперь Петръ, который потерпѣлъ бы, чтобы ему въ лицо противорѣчилъ Павелъ? Однимъ словомъ, новѣйшее папство есть перенесеніе мірскаго абсолютизма въ духовную область, и когда думаетъ мірское сдѣлать духовнымъ, оно только духовное превращаетъ въ мірское. Нѣтъ предѣла для распространенія римской области, по крайпей мѣрѣ въ духовныхъ областяхъ, а онъ во всѣхъ направленіяхъ перекрещиваютъ области земныхъ владыкъ. Эта безпредѣльная власть папства будетъ теперь даже провозглашена какъ догматъ, т.-е. папа будетъ объявленъ непогрѣшимымъ. Какъ много готовится чрезъ это затрудненій и церковныхъ и политическихъ, это знаютъ богословы и государственные люди. Политики спокойно ожидаютъ приговора, но уже теперь развѣдываютъ территорію и опредѣляютъ демаркаціонную линію между мірскою и духовною областію. Если папа зайдетъ за эту линію, то ему почтительно скажутъ: стой; если онъ не пойметъ этого, его учтиво отпирать на границу; если онъ и этого до-

бровольно несдѣлаетъ, то употребить легкое давленіе, т.-е. столько силы, сколько необходимо нужно для вразумленія непрощеннаго гостя. Дальновидные богословы предвидя эти неизбѣжныя затрудненія и стараются отвратить грозу противодѣйствіемъ противъ ультрамонтанизма. Но ультрамонтанизмъ не обманывается и пытается по крайней мѣрѣ миновать опасности. «Главное, очень употребительное средство, чтобы спасти отъ затрудненія положеніе о непогрѣшимости папы, состоитъ въ сдѣланномъ въ недавнее время богословами изобрѣтеніи, именно въ различеніи, говорить ли папа *ex cathedra*, или онъ говорить какъ частное лице, не *ex cathedra*. Въ первомъ случаѣ онъ непогрѣшимъ, а во второмъ—нѣтъ. Теперь папа въ своихъ указахъ никогда не объявляетъ, говорить ли онъ *ex cathedra* или нѣтъ, хотя должно бы этого ожидать, если это различіе такъ важно, что въ одномъ случаѣ совершается, такъ сказать, безусловный актъ, которому придается безусловное значеніе, а въ другомъ разѣ имѣетъ мѣсто только обыкновенное человѣческое дѣйствіе. Этого не бываетъ, хотя папа долженъ все-таки знать, хочетъ ли онъ говорить *ex cathedra* или нѣтъ, и хотя весьма важно, чтобы міръ каждый разъ зналъ навѣрное. Но именно эта-то неизвѣстность дѣлаетъ весьма годнымъ то различеніе для богословскихъ операцій въ пользу непогрѣшимости папы. Ибо есть возможность о каждомъ папскомъ рѣшеніи, которое несостоятельно или вводитъ въ затрудненіе, говорить подъ рукою, что оно не *ex cathedra*, слѣдоват. не непогрѣшимо, и потому нѣтъ нужды придавать ему безусловное значеніе. вмѣстѣ съ симъ, такъ какъ самъ папа не объявляетъ каждый разъ, говорить ли онъ *ex cathedra* или нѣтъ, то богословамъ предстоитъ желаемый случай къ такъ называемой научной дѣятельности и при всей умственной связанности—ко многимъ спорамъ, а иногда къ обвиненіямъ другъ друга въ ереси. Богословы изслѣдуютъ, *ex cathedra* ли папское рѣшеніе—задача трудная, относительно которой самые правовѣрующіе люди часто разногласяютъ, хотя папѣ стоило бы сказать одно только слово, чтобы рѣшить дѣло окончателью. За-

тѣмъ должно быть изслѣдовано, какъ понимать папское писаніе. Каждая изъ спорящихъ сторонъ старается истолковать его въ своемъ смыслѣ и употребить его въ пользу своихъ воззрѣній. Богословскіе споры вслѣдствіе сего получаютъ постоянно новую пищу, умственная жизнь, несмотря на всю связанность, не совершенно останавливается, но эти битвы становятся все незначительнѣе, пустѣе, призрачнѣе, по мѣрѣ того, какъ накаплиются папскіе эдикты,—и даже тѣмъ болѣе полны софистики и ожесточенія, чѣмъ менѣе дѣло идетъ объ изслѣдованіи истины (Фрошаммеръ).

14. Всѣ правительства понимаютъ, что нельзя безусловно управлять гражданами, которые чтутъ непогрѣшимаго папу, какъ своего верховнаго главу, ибо такіе паписты будутъ слѣдовать первѣе всего указаніямъ Рима, хотя бы дѣло было чисто политическаго свойства. Римъ уже сдумѣетъ придать дѣлу религіозный характеръ, такъ что простой человѣкъ вѣритъ, что здѣсь дѣло идетъ объ истинѣ, что должно повиноваться Богу болѣе, чѣмъ Кесарю. Начало папской непогрѣшимости практически уже давно имѣло силу, ибо папа съ тѣхъ поръ, какъ знаетъ человѣческая память, могъ дѣлать въ церковной области все, что хотѣлъ. Пій IX только въ послѣдніе годы былъ столь неразумителенъ и близорукъ, что перенесъ непогрѣшимость въ политическую область, хотя именно въ политикѣ онъ всегда имѣлъ рѣшительную неудачу. Если папство беретъ не за свое дѣло въ политикѣ, то происходятъ столкновенія, какъ это видимъ въ Россіи, гдѣ папа ожидалъ отъ сильнаго правительства, что оно спокойно дастъ себя на поруганіе, гдѣ хозяйничалъ на чужой землѣ, какъ будто настоящій господинъ, гдѣ онъ способствовалъ возбужденію недовѣрія, даже ненависти къ правительству, имѣвшей самыя печальныя послѣдствія—возстаніе и кровопролитіе. Кто прочитаетъ сочиненіе графа Д. Толстаго (нынѣшняго министра народнаго просвѣщенія) «Le catholicisme Romain en Russie», тотъ можетъ замѣтить подземную политику Рима. Всѣ европейскіе государственные люди должны прочитать эту книгу, чтобы знать, при

чемъ они, когда Римъ потеряетъ уваженіе къ нимъ, которое къ своему счастью онъ пока еще считаетъ пужнымъ сохранять. Римъ можетъ многое сдѣлать: онъ можетъ подавить и убить патриотизмъ; онъ можетъ посвятить недовольство и раздоръ; онъ можетъ вызвать возмущеніе и войну; онъ можетъ разрушить вѣроисповѣднѣй міръ, можетъ унижить монарха, выставяя его еретическій или схизматическій характеръ, даже лишитъ всякаго уваженія. Пусть нѣмцы вспомнить только о послѣдней австро-прусской войнѣ, какъ ультрамонтаны повсюду безбоязненно и открыто дѣйствовали за Австрію. Что скажетъ и *сдѣлаетъ* императоръ Наполеонъ, когда непогрѣшимый папа осудитъ верховенство народа, на которомъ онъ опирается и лишитъ его такимъ образомъ почвы? Допуститъ ли онъ спокойно, чтобы съ нимъ обращались, какъ съ незаконнымъ узурпаторомъ, или съ негодованіемъ остановить чрезмѣрное притязаніе и заградить уста священникамъ, которые отважатся возвѣщать съ кафедръ декреты непогрѣшимаго папы? Приостановятъ ли всѣ парламенты свою дѣятельность, какъ скоро непогрѣшимый папа осудитъ «господство большинства?» Не должны ли будутъ всѣ церковно-мыслящіе римскіе католики отвергнуть свои парламентскія рѣшенія? И это будутъ терпѣть европейскія державы? При такихъ обстоятельствахъ едвали можно избѣжать столкновенія государственной власти и папскихъ притязаній, хотя и можно на нѣсколько времени его отсрочить.

15. Итакъ, если папство утвердило столь великую пропасть между собою и государствомъ, что никакъ нельзя перейти чрезъ нее, то пора католикамъ открыть глаза и рассмотреть, можетъ ли заключаться въ планѣ божественномъ такая пропасть, такая непримиримая вражда между государствомъ и церковію, — вражда, какой не было даже во времена Перона, Домиціана и Діоклитіана. Еслибы римская церковь осталась въ границахъ апостольскаго преданія, еслибы она соблюла свое собственное каноническое правило «*clericus ne se immisceat saecularibus negotiis*» (клирикъ да не вмѣшивается въ мірскія

дѣла), то не возникло бы панское главенство съ своими гибельными учениями и незаконными притязаніями, не явился бы въ церкви великій расколъ между Востокомъ и Западомъ, не произошла бы реформація съ ея печальными явленіями невѣрія, не было бы столь безнадежнаго раздѣленія между церковію и государствомъ. Папа жалуется, что онъ не можетъ сладить съ нехристианскимъ государствомъ. Но кто сдѣлалъ государство нехристианскимъ? Папа, а никто другой. И это произошло такимъ образомъ: папа присвоилъ себѣ одно за другимъ государственное право; это естественно охладило дѣтское отношеніе довѣрія, какое государство имѣло къ церкви; государство должно было слѣдить за церковію и именно за ея верховнымъ главою; недоовѣріе, за которымъ слѣдуетъ неуваженіе, сомнѣніе и невѣріе, водворилось между обѣими силами, и церковная дѣятельность была ослаблена, даже уничтожена въ принципѣ. Что чрезъ реформацію получило видимое проявленіе, то задолго прежде уже существовало вполнѣ, хотя мечъ и костры изглаживали слѣды непокорныхъ. Такая книжка, какъ «de tribus impostribus» (о трехъ обманщикахъ), была уже краснорѣчивымъ знаменіемъ времени. Когда реформація устранила вѣдшее давленіе римской церкви, увидѣли, какъ безконечно далеко разошлись уже между собою интересы государства и церкви. Государство, давно вызванное римскими притязаніями на путь противоборства, открыто и послѣдовательно оказывало противодействие и безбоязненно вторгалось въ церковную область. Это совершенно естественно, ибо государству оставалось только подражать тому, что показалъ напередъ самъ папа. *Преобладаніе государства есть только естественное слѣдствіе панскаго главенства; оно есть противодѣйствіе и возмездіе за то, что церковь нѣкогда держала государство въ рабствѣ.* Когда папа возложилъ на свою голову тройную корону, онъ самъ связалъ для себя розги. Impero, ergo varulo — это стало девизомъ новѣйшаго папства. Государство (западное) есть испорченное чадо папства, и само папство сдѣлало его испорченнымъ чадомъ.

16. Какую противоположность представляет православная католическая церковь! Централизація и мірское властолюбіе всегда были чужды ей; поэтому она никогда не была въ раздорѣ съ государствомъ, поэтому государство любить и почитаетъ ее, какъ свою нѣжно заботливую мать. Повсюду, гдѣ существуетъ православная католическая церковь, государство осталось христіанскимъ, и реформація съ своими печальными слѣдствіями прошла мимо его безслѣдно. Каждый православный гражданинъ любить свою церковь, потому что она никогда не дѣлала ему зла, но оказывала только любовь. Она никогда не простирала своей руки на его права, потому что не хотѣла пользоваться его собственностію, его правами, а только любовью. И православная церковь была часто гонима жестокими властителями, лишаясь своего имущества, порабощаема, но она терпѣливо страдала, терпѣливо переносила лишенія и гоненія, но не прибѣгала ко мщенію; за то она была только болѣе любима своими чадами. Не замѣчательное ли явленіе то, что въ православныхъ странахъ нѣтъ никакой борьбы между церковію и государствомъ; церковь *господствуетъ*, не желая властвовать, или потому именно и господствуетъ, что она не хочетъ власти? Не замѣчательно ли то, что православныя страны составляютъ одну плотную религіозную массу, не страдая множествомъ вѣроисповѣданій? Не достойно ли замѣчанія, что папство не пріобрѣтаетъ въ православной церкви почти что никакихъ прозелитовъ, между тѣмъ какъ переходы въ православную церковь считаютъ милліонами? Если ультрамонтаны возражаютъ, что эти милліоны силою завлечены въ православную церковь, то чрезъ это они признаются по меньшей мѣрѣ въ томъ, что римское католичество не крѣпко держалось у этихъ милліоновъ ⁴⁾). Какъ бы ни былъ могущественъ царь, онъ не могъ бы загнать въ православную церковь ни одного изъ крѣпкихъ въ убѣжденіяхъ римскихъ католиковъ. Еслибы милліоны жаловались на насиліе, то никакая цензура и таможня, никакая китайская стѣна не могла бы задержать жалобъ. А перешедшіе не жаловались именно потому, что они чувствовали себя счастливыми.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ).

⁴⁾ Здѣсь говорится о присоединеніи западно-русскихъ уніатовъ къ православію.

ПРЕДНАЗНАЧЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИИ

И ЕЯ ПРИЗВАНІЕ КЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЮ ПРАВОСЛАВНОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ НА ЗАПАДЪ.

(Окончаніе.)

17. Отдѣленіе церкви и государства есть несчастіе, неестественность. Какъ въ человѣкѣ нельзя отдѣлить тѣло и душу безъ того, чтобы человѣкъ не умеръ, такъ нельзя разъединить государство и церковь, не разрушивъ того и другой. Римская церковь такъ хозяйничала, что государство не могло болѣе идти вмѣстѣ съ нею; государство пошло своимъ собственнымъ путемъ и уже дошло до той стадіи, гдѣ оно сдѣлалось нехристіанскимъ; между тѣмъ папство, идя своимъ собственнымъ путемъ, увлекается отъ одной лжи и нечестности къ другой и подвергается процессу саморазложенія. Что въ такомъ случаѣ остается, какъ не обратить своихъ взоровъ къ православной церкви, полной единства, мира и любви? Здѣсь мы находимъ миръ между церковію и государствомъ, здѣсь—вѣрная мать, которая искренно любитъ своихъ чадъ и ими сама искренно любима, мать чуждая самолюбія и своекорыстія, которая не домогается никакой другой силы, кромѣ силы и власти любви; церковь любитъ и почитаетъ государство, и государство въ свою очередь любитъ и чтитъ церковь. И естественное слѣдствіе сего то, что православная церковь имѣетъ гораздо болѣешую силу, чѣмъ римская церковь при всѣхъ своихъ притязаніяхъ.

Православное государство довѣряетъ своей церкви безусловно, потому что оно никогда не было ею оставлено назади и вмѣстѣ съ симъ знаетъ, что оно въ ней имѣетъ, ибо православная церковь «неподвижна» въ вѣрѣ и въ священныхъ канонахъ; какова нынѣ она въ вѣрѣ, такова же она была за тысячу лѣтъ, когда Римъ заблагоразсудилъ двинуть «неподвижную» вѣру, «развить», какъ говорятъ для благоприличія въ выраженіи. Православная церковь не «развиваетъ» и никогда не развивала; она только опредѣляла и утверждала (constatirt) истину, по существу своему неподвижную и неизмѣнную, какъ она преподана церквамъ въ апостольскомъ преданіи. И это учительство Св. Духа было въ православной церкви такъ же живо до римскаго раскола, какъ и послѣ; ибо она учитъ столь же выразительно о пресуществленіи въ таинствѣ Евхаристіи, какъ и объ единосущіи Сына Божія. Римско-католическое государство имѣетъ дѣло съ неопредѣленнымъ содержаніемъ вѣры, которое въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи легко можетъ содержать такія вещи, которыя, какъ наприм. непогрѣшимость папы, прямо подрываютъ существо государства. Православное государство знаетъ свою вѣру и не знаетъ никакой силы, которая бы могла измѣнить эту вѣру чрезъ прибавку или отнятіе. Православное государство вѣрно знаетъ, что существующій миръ между нимъ и церковію не можетъ быть нарушенъ, именно потому, что основаніе, базисъ этого мира не можетъ измѣниться. Римская церковь имѣетъ въ своемъ папѣ центръ единства; но гдѣ на самомъ дѣлѣ единства вѣры больше—въ православной, или въ римской церкви? Въ православной церкви нѣтъ ультрамонтанъ и либераловъ, борющихся между собою на смерть; всѣ образуютъ одинъ нераздѣльный лагерь не по равнодушію, но вслѣдствіе единодушнаго убѣжденія.

18. Возстановленіе этого мира между государствомъ и церковію, вотъ что желательно видѣть на Западѣ. И для этого не нужно ничего другаго, какъ только возвратиться намъ къ церкви *не раздѣленнаго христіанства*, какое представляетъ намъ

неизмѣнно православно-каѳолическая церковь. Если папа захочетъ послѣдовать за нами или пойти въ этомъ впереди насъ, — прекрасно, тогда вся православная церковь признаетъ его канонически законнымъ представителемъ церковнаго первенства. Если же станетъ упорствовать въ своемъ расколѣ, то мы пойдѣмъ одни, и его мѣсто займетъ второй по чину, доколѣ не возвратится первый. Возстановить эту западную православно-каѳолическую церковь, которая существовала почти тысячу лѣтъ до римскаго раскола, вотъ наше намѣреніе, и Богъ мира и единомыслія благословитъ наши стремленія.

Для сей цѣли мы обращаемся къ русской церкви, могущественнѣйшей и самой независимой между православными церквами. Въ этой церкви царствуетъ одушевленная любовь къ вѣрѣ отцевъ, искреннее благочестіе, радостная гармонія и благотворное взаимодѣйствіе государства и церкви. Эти братья подадутъ намъ руку къ возвращенію нашему въ православіе, къ возстановленію западной православно-каѳолической церкви. Не напрасно Провидѣніе сохраняло всегда въ православной вѣрѣ Россію, какъ связующее звено между Востокомъ и Западомъ. Не напрасно Провидѣніе поставило Россію въ постоянной связи съ Западомъ, дабы она имѣла болѣе ясное разумѣніе западныхъ воззрѣній и умѣла цѣнить ихъ, равно далекая отъ восточнаго самодовольства (?), какъ и отъ западнаго превозношенія. Не напрасно Провидѣніе подчинило русскому скиптру римскихъ католиковъ и протестантовъ вмѣстѣ съ православными, дабы практическое сопоставленіе трехъ главныхъ исповѣданій дало возможность къ основанному на опытѣ сравненію ихъ и доставило православной истинѣ тѣмъ болѣе блистательную побѣду. Не напрасно Провидѣніе сдѣлало Россію одною изъ первенствующихъ державъ въ мірѣ, которой предстоитъ сказать слово, великое слово въ судьбахъ всемірной исторіи. Византійскій двуглавый орелъ простираетъ свои крылья отъ Германіи до границъ Китая и Японіи, отъ Ледовитаго моря до Чернаго и Каспійскаго. Всѣ климаты, всѣ послѣдовательныя степени челоувѣческаго образованія имѣютъ своихъ представителей въ Рос-

сіи, такъ что ее можно въ извѣстномъ отношеніи назвать всеобщимъ царствомъ. Этимъ мы хотимъ сказать вовсе не то, чтобы побѣда истины зависѣла отъ покровительства сильной мірской руки; но не дивное ли указаніе Божіе въ томъ, что мы видимъ государство столь изумительной величины, государство, которое, родившись и воспитавшись въ православіи, выросло въ господствующаго надъ міромъ исполина, единственное православное государство, тогда какъ всѣ прочіе братья по вѣрѣ находятся въ оковахъ? Никакое государство не помогало Россіи изъ сочувствія по вѣрѣ. Подобно сиротѣ, не имѣвшей ни родныхъ, ни друзей, по много завистливыхъ враговъ, она выросла и сдѣлалась тѣмъ могущественнѣе, что она одна должна была прокладывать себѣ дорогу въ жизни. Всяческая ненависть и зависть какъ бы сговорившагося противъ Россіи міра не остановили ея, не задержали ея шествія, по скорѣе казалось пособляли ей. И этотъ гигантскій колоссъ выросъ и стоитъ не разбиваясь. Гдѣ заключается тайна этой силы, этой дивной крѣпости? Рѣшеніе вопроса вотъ въ чемъ: «Россія живетъ и крѣпнетъ въ православной истинѣ и чрезъ нее,—это ея душа, ея жизненное начало, жизненный сокъ въ ея жилахъ, мозгъ въ ея костяхъ». Россія сохранила истину, потому и наслаждалась благословіемъ. Мы удивляемся исполинской Россіи, но исполинскій образъ ея, какъ тѣло, вещь побочная. Напротивъ мы почитаемъ *святую* Русь, освященную православною истиною. Истинная радость сердца—видѣть крѣпкаго, свѣжаго, здороваго юношу, почему?—потому, что мы отъ внѣшней силы и процвѣтанія можемъ въ большинствѣ случаевъ заключать къ превосходству внутренняго начала, которое возрастало такое тѣло, заботясь объ истинѣ и добродѣтели и удаляя разрушительныя вліянія лжи и порока. Мы говоримъ здѣсь не о политикѣ и дипломатіи, которой разныя извороты въ лучшемъ случаѣ суть только удачныя ходы человѣческаго несовершенства въ шахматной игрѣ. И чтѣ бы ни совершала политика Россіи, твѣрдо стоитъ великій неизгладимый фактъ: русская политика никогда не падала на

православіе, но вообще руководилась имъ, какъ полярною звѣздою. Всемогущій Царь сдѣлся бы слабъ и ничтоженъ какъ дитя, еслибы онъ оставилъ православіе или напалъ на него. Поелику же онъ есть искренній представитель его, то онъ *Отецъ*, а его народы суть сердечно преданныя ему *дѣти*, и кто знаетъ Русь, знаетъ, что эти выраженія не безсодержательныя условныя фразы. Сердце бьется у крестьянина, когда онъ видитъ *своего* Государя, и Государь *знаетъ*, что тотъ его любитъ. Это пораждаетъ въ Государѣ и народѣ высокое чувство, котораго не найдемъ ни въ какой другой странѣ. Это пораждаетъ чувство *неразрывной связи*, безконечно различное отъ чувства властителя и *подданныхъ*.... Царь и его народъ связаны не просто солидарностію своихъ интересовъ, но и невидимыми узами единства и нераздѣльности, которымъ нѣтъ никакого болѣе соотвѣтствующаго подобія, кромѣ отношеній между отцемъ и дѣтьми. И вѣдъ Россіи бывали популярныя монархи, но ихъ популярность основывалась на ихъ личныхъ свойствахъ. Превосходные люди и отличные правители естественно создавали около себя сферу притягательной силы, но эта притягательная сила умираетъ вмѣстѣ съ ея обладателемъ, не рѣдко даже прежде него. Иное дѣло съ русскимъ Царемъ. Пусть онъ будетъ популярный, лично любимый мужъ,—но это вещь побочная. Главное дѣло то, что онъ для своего народа «пашъ Царь». Отецъ для добрыхъ дѣтей въ тысячу разъ дороже всякаго другаго живущаго человѣка, потому, что онъ ихъ отецъ. Или точнѣе должно сказать: дѣти раздѣляютъ міръ на двѣ части—«мы» (дѣти и родители и братья съ сестрами) и «всеѣ другіе люди,» и эти два класса дѣти не могутъ и не хотятъ сравнивать. Ихъ отецъ есть для нихъ нѣчто существенно различное отъ всего остальнаго человечества. Поэтому и Богъ употребляетъ это выраженіе, чтобы изобразить Свое особенное отношеніе къ человечеству. И эта таинственная глубина слова: «отецъ» есть основа всякой религіи, и Царь-отецъ есть религіозное понятіе, столь же доступное разумѣнію самаго простаго крестьянина, сколько

непонятно оно для иныхъ мудрецовъ. Отецъ имѣеть права и обязанности; дитя имѣеть обязанности и права; но еще ни одному юристу, психологу или педагогу не удалось провести тончайшую разграничительную линію между обоюдными правами и обязанностями, а для добрыхъ отцевъ и добрыхъ дѣтей такъ легко практически исполнять эти права и обязанности. Почему? Потому, что отецъ только радуется, когда умъ и развитіе сына позволяютъ ему отказаться отъ права. И сынъ знаетъ, что добрый отецъ больше заботится о томъ, чтобы выполнить свои обязанности, нежели, чтобы настаивать на своихъ правахъ; ибо многія изъ этихъ правъ (напримѣръ право наказанія) скорѣе бремя, чѣмъ преимущество отца.

19. Какъ существенно различно отъ сего западное воззрѣніе на отношенія между правителями и управляемыми! Со времени переселенія народовъ, основу этихъ отношеній составляло представленіе о покорителяхъ и покоренныхъ, изъ котораго мало-по-малу образовалось понятіе о «господинѣ» и «рабѣ», въ различныхъ постепенностяхъ, и создалось право ленныхъ владѣтелей и вассаловъ. Монархъ распорядился своими землями и народами, какъ ему было угодно, и по расчетамъ благоразумія или челоуѣколюбія, такъ или иначе, пользовался своею властію. Маркграфиня Матильда отдала напѣ Григорію VII всѣ свои земли и имѣнія *iure proprietario* (по праву собственности), какъ говорится въ записи о дареніи. Могуцственный Царь не могъ бы на это рѣшиться, потому что его «дѣти» приняли бы во вниманіе свое право не допускать себя до подаренія. Отецъ не можетъ убивать своихъ дѣтей, подкидывать, дарить, — или разрушать неразрушимую связь, существующую между нимъ и его дѣтьми. На такого рода отношенія нападали, и указывали на крѣпостныхъ, существовавшихъ въ Россіи до послѣдняго времени, въ доказательство того, что и въ Россіи сильно было западное понятіе о «господинѣ» и «рабѣ», но это несправедливо. Два явленія могутъ быть по внѣшности весьма сходны между собою, но происходятъ отъ двухъ совершенно разныхъ корней. Южно-американскій рабъ челоуѣко-

любиваго господина и русскій крѣпостной крестьянинъ могли быть поставлены наравнѣ въ своихъ отношеніяхъ, но между обоими было то неизмѣримое различіе, что съ американскимъ рабомъ, хотя и безправнымъ, его добрый господинъ всетаки обращался какъ съ дитятею, а съ русскимъ крѣпостнымъ, вполнѣ обладавшимъ своими естественными человѣческими правами, обращались хорошо потому, что этого требовало самое учрежденіе крѣпостнаго состоянія. Потому Бичеръ-Стоу никогда не могла бы написать русскаго романа «Хижина дяди Тома.» Несовершеннолѣтнія дѣти чувствуютъ ли потому себя болѣе несчастными? Не начинается ли суровая дѣйствительность и трудъ жизни только тогда, когда они должны стать на свои собственные ноги и жить самостоятельно? Сколь многіе съ сожалѣніемъ обращаютъ свои взоры на то время, когда они беззаботно покоились на груди матери, когда предъ ними была готова пища?... Но должно ли поэтому желать увѣковѣченія крѣпостнаго быта? Нѣтъ, по естественному Богомъ установленному порядку дитя вырастаетъ въ мужа и отецъ радуется этому; посему Царь объявилъ своихъ выросшихъ дѣтей свободными людьми и представилъ изумленному міру основаніемъ русскаго государства отношеніе между отцемъ и дѣтьми. Въ западныхъ государствахъ каждое право «раба» съ усиліемъ было завоевано у «господина»; въ Россіи отецъ добровольно, не стѣсняемый требованіями дѣтей, даже прежде ихъ желанія, даетъ имъ то положеніе, которое въ другихъ странахъ было слѣдствіемъ вѣковыхъ бореній.

20. На западѣ рабъ боролся съ своимъ господиномъ за существованіе, завоевывалъ одно право за другимъ и не прекратилъ борьбы до тѣхъ поръ, пока его господинъ низпалъ до тѣни. Тогда рабъ восшелъ на тронъ, а тѣнь исчезла. Что дѣлалъ отдѣльный человѣкъ — дѣлали и цѣлые народы. Такъ произошли республики и парламентскія правленія. Такъ возникло понятіе о *верховенствѣ народа* и проистекающемъ отсюда *правѣ всеобщей* подачи голосовъ (*suffrage universel*). Великое заблужденіе — думать, что гласъ народа гласъ Божій,

потому что все зависитъ отъ того, какъ народъ воспитанъ. Поколѣніе, воспитанное въ заблужденіяхъ, на примѣръ проникнутое ультрамонтанскими и вольтеровскими идеями, воспроизведетъ только однородное. Но, что еще хуже, голоса народа нельзя достигнуть посредствомъ всеобщей подачи голосовъ. Во-первыхъ, обыкновенный человѣкъ не имѣетъ никакого понятія о политикѣ, смотритъ на вещи подъ вліяніемъ своихъ личныхъ интересовъ, совершенно односторонне, или увлекается подкупамъ и обольщеніями народныхъ ораторовъ, или находится въ зависимости и принужденъ идти вмѣстѣ съ своимъ господиномъ, или нимало не заботится о политикѣ. Коротко сказать, всеобщая подача голосовъ есть обольщеніе и ложь, есть орудіе, при ловкомъ употребленіи котораго можно достигнуть почти всякаго, какого угодно, результата. Деспотическое правительство, такъ же, какъ и республика, можетъ опираться на правъ всеобщаго голосованія. При такой опасности и сомнительности этого политическаго орудія, благоразумнѣйшія правительства па западѣ обрѣзали крылья этому орлу. Народъ отождествили съ количествомъ платящихъ подати или съ извѣстными классами общества и оставили безъ вниманія огромную массу, хотя въ этой массѣ можно найти какой нибудь голосъ, который могъ бы вѣрнѣе и лучше сказать, чѣмъ привилегированныя лица. Но когда право всеобщаго голосованія непослѣдовательно уже въ томъ, что исключило женщинъ, то нечего жаловаться на дальнѣйшія несообразности. Конецъ исторіи тотъ, что король, который по волѣ Божіей долженъ быть отцемъ своего народа, сталъ послушнымъ служителемъ или первымъ чиповникомъ своего народа. Народъ съ куческимъ расчетомъ и холодною учтивостію выплачиваетъ ему содержаніе его; и когда заблаго-разсудить низвергнуть его съ трона, то перемѣняется глава государства, какъ смѣняютъ платье, безъ сожалѣнія, безъ привязанности, чисто дѣловымъ образомъ. *Avant tout point de zèle!* Любовь, преданность, привязанность не идутъ въ расчетъ. Своekorыстіе—вотъ душа современнаго западнаго государства:

Но спросить, не должна ли быть съ теченіемъ времени и

въ Россіи введена эта парламентская система? Мы отвѣчаемъ:... Величайшая ошибка, величайшее зло — пересаживать чуждыя отношенія и учрежденія на инородную почву. Что хорошо для Англіи; то не бываетъ необходимо хорошо для Россіи, Германіи и проч., и наоборотъ. Посему политическое слабоуміе—извѣстную политику и государственную форму рекомендовать, какъ особенное универсальное лечебное средство. Мы только настаиваемъ на одномъ, что *религіозно-политическая основа православной Россіи*, именно отношеніе Царя къ своему народу, какъ отца къ своимъ дѣтямъ, *есть единственно вѣрная*. На этой основѣ государство никогда не можетъ быть враждебнымъ или равнодушнымъ къ религіи, потому что православное христіанство составляетъ его душу. Здѣсь ключъ къ настоящему и будущему величію Россіи. *Ex oriente lux* (съ Востока свѣтъ)!

21. Всѣ другіе славянскіе народы (за исключеніемъ только поляковъ) чувствуютъ влеченіе къ Россіи и въ ней чтутъ свое нравственное средоточіе. Какъ естественно однако, что римскіе и протестантскіе западники выставляютъ Россію страшилищемъ, когда всѣ различныя племена славянскія собираются около Россіи, какъ своего зерна, какъ своего центра притяженія—неслыханное явленіе у другихъ родственныхъ по племени народовъ! Было бы съ нашей стороны притязательно пускаться въ сужденіе о внутренней исторіи славянъ. Лучше мы отошлемъ читателей къ превосходной французской брошюрѣ «о западныхъ славянахъ» (*Le Slaves Occidentaux*, Paris 1838), а здѣсь приведемъ изъ нея нѣсколько мѣстъ.

«Характеръ народной жизни у поляковъ существенно различенъ отъ характера ея у всѣхъ прочихъ западныхъ славянъ. Этотъ исключительный духъ одной касты, хранящей въ себѣ свой ложный патріотизмъ, мѣшаетъ поляку сблизиться съ своими братьями—славянами, живущими въ совершенно другой общественной сферѣ. Полякъ (это доказали недавнія событія) имѣетъ гораздо болѣе дѣйствительнаго сочувствія къ мадьяру, аристократу и угнетателю, нежели къ словаку или хорвату,

котораго мадьяръ хотѣлъ лишить права на народное существованіе; полякъ охотнѣе приметъ даже сторону турка, нежели сербскаго или болгарскаго раи. Полякъ не скоро рѣшится протянуть руку своимъ братьямъ славянамъ и соединить съ ними свою дѣятельность, даже въ наукѣ и литературѣ. Онъ не легко откажется, даже въ области отвлеченной мысли, отъ своей антипатіи къ русскому имепи и отъ своего презрѣнія къ восточной церкви: двѣ жертвы для его національной гордости, которыя ему необходимо принести прежде, нежели онъ можетъ усвоить себѣ начало нравственнаго общенія славянъ. Потому и начало это не могло получить жизненнаго значенія въ ряду вопросовъ, двигавшихъ польскими умами. Но при всемъ томъ идея славянства играетъ важную роль въ теоріяхъ, выработанныхъ въ послѣднее время поляками. Въ особенности ввелъ ее въ эти теоріи поэтъ Мицкевичъ. Его система есть полное и часто, можно сказать, невольное выраженіе взгляда, которымъ такъ называемые патріоты польскіе хотѣли смотрѣть на славянскій міръ; и въ его сочиненіи (*Cours de littérature slave au Collège de France, 1841—1844*) многіе изъ нихъ до сихъ поръ почерпаютъ свои воззрѣнія на славянскія дѣла. Славянскій міръ, по теоріи Мицкевича, издавна раздѣлился на двѣ противоположныя стороны, составляющія какъ бы положительный и отрицательный его полюсы. Положительный полюсъ, полюсъ славянской идеи, заключается въ Польшѣ; чехи и сербы принадлежатъ также къ этой положительной сторонѣ славянства, но духъ въ нихъ ослабѣлъ и можетъ воскреснуть только подъ вліяніемъ Польши, которая хранитъ славянскія начала для всего остальнаго славянскаго міра. Отрицательный полюсъ идеи, которую Мицкевичъ называетъ противо-славянской, заключается, по его мнѣнію, въ Россіи. Древняя русская народность принадлежала первоначально къ славянскому направленію; но она погибла, по словамъ Мицкевича, и отъ нея осталась лишь масса людей, говорящая, правда, нарѣчіемъ славянскимъ, но которая, поглотивъ въ себя много финскихъ и татарскихъ стихій, утратила славянскія чувства, масса лю-

дей, которая не есть народъ, а государство, которая не имѣетъ вѣры, а только богослуженіе, и которая проникнута духомъ монгольскаго племени, духомъ рабства и разрушенія, какъ его опредѣляетъ польскій писатель. Духъ славянскій, воплощенный въ Польшѣ, всегда старался усвоить себѣ идеи запада и распространить ихъ въ остальномъ славянскомъ мірѣ; но духъ этотъ выше западнаго духа; онъ искони стремился къ осуществленію новыхъ началъ, долженствующихъ составить счастье рода человѣческаго, и онъ осуществитъ ихъ въ будущемъ. Начала эти суть: братство между людьми и народами и господство христіанскихъ идей. Польша принесла себя въ жертву для искупленія рода человѣческаго и эта жертва даетъ ей право и увѣренность сдѣлаться благодѣтельницею всѣхъ народовъ, которымъ она передастъ эти новыя начала; осуществленія ихъ она ожидаетъ не отъ совокупныхъ усилій людей и историческаго развитія, а отъ явленія великаго чело-вѣка, отъ какого-то мессіи, котораго предтечею былъ Наполеонъ.

«Такова теорія славянства, какъ его понялъ величайшій гений польской словесности. Еслибы эта теорія была только частнымъ созданіемъ болѣзненнаго воображенія, я не обратилъ бы на нее вниманія. Но теорія эта есть въ нѣкоторомъ смыслѣ произведеніе народное. Мицкевичъ высказалъ формулу, но тѣ же самыя мысли одушевляли цѣлую семью поэтовъ, философовъ, публицистовъ, которые были представителями польскихъ стремленій, сперва въ Вильнѣ и Варшавѣ, а потомъ въ эмиграціи. Ложь Мицкевича есть выраженіе лжи, въ которой жила цѣлая литература, цѣлый народъ. Дѣйствительно, изложенная мною теорія вполне соотвѣтствуетъ общему характеру польскихъ стремленій. Это все тотъ же духъ узкаго эгоизма, который въ этой системѣ старается захватить славянскій вопросъ въ свою исключительную пользу, прибѣгаетъ къ недобросовѣстности и лжи, для униженія другихъ народовъ, и ея непослѣдовательностью, къ несчастію, нѣсколько привычною польскимъ мыслителямъ, принимаетъ внѣшнія формы за внутреннее содержаніе, дабы получить право восхвалять свои собственныя начала.

«Къ недобросовѣстности и лжи прибѣгаетъ польскій теоретикъ, когда онъ ставитъ чеховъ и сербовъ въ нѣкоторую нравственную зависимость отъ польской народности; ибо ему извѣстно, до какой степени характеръ всей исторической дѣятельности чеховъ не сходенъ съ характеромъ дѣятельности поляковъ (какъ видно особенно въ гуситскихъ войнахъ); ему извѣстно, что если одинъ изъ этихъ народовъ имѣлъ вліяніе на другой, то, конечно, поляки одолжены чехамъ за многое въ своемъ просвѣщеніи. Ему извѣстно также, что сербы не имѣютъ ничего общаго съ польскими идеями, и что они *обязаны сохраненіемъ своей народности единственно восточной церкви*. А когда Мицкевичъ и вся лже патріотическая школа польская отрицаютъ существованіе русской народности и представляютъ ее чѣмъ-то въ родѣ монгольской орды, устроенной государственно, то этого нельзя назвать даже недобросовѣстностью, а развѣ только ослѣпленіемъ разгнѣваннаго ребенка. Та же логическая непоследовательность причиною тому, что школа Мицкевича отваживается говорить о братствѣ, какъ объ основѣ, на которой опиралось въ прежнее время и стремится опираться въ будущемъ польское общество и польская политика; что она, эта школа, находитъ выраженіе этого братства въ старинной польской конституціи, съ ея сеймами, которые объявляли себя вдохновенными св. Духомъ, духомъ братства и взаимной любви, и съ ея актомъ соединенія короны съ Литвою и Украиною; ибо братство было лишь пустымъ словомъ въ устахъ гордой касты, которая угнетала народъ, рѣзалась между собою и нынѣ еще представляетъ картину раздора, коль скоро внѣшняя сила ее не сдерживаетъ (какъ доказываетъ внутренняя исторія польской эмиграціи). Что же касается до международныхъ отношеній, то слово братство было, дѣйствительно, вписано въ граматѣ соединенія Польши съ землями, которыя она пріобрѣла бракомъ Ягеллы; но извѣстно, какое угнетеніе. Польша налагала на эти земли, какъ она преслѣдовала диссидентовъ, и чѣмъ она вызвала страшное возстаніе Хмѣльницкаго противъ этого братскаго соединенія. Со-

бытія эти, повидимому, должны были вѣсколько разстроить славянскую теорію Мицкевича, и потому онъ счелъ за лучшее обойти ихъ молчаніемъ, равно какъ и роль, какую играла Польша въ исторіи лже-Димитрія въ Москвѣ. Нельзя, наконецъ, говорить безъ негодованія о томъ, какъ польская мнимопатріотическая школа смотритъ на религіозный вопросъ у славянъ: ибо въ этомъ ея непослѣдовательность и недобросовѣстность доходятъ до богохульства. Мицкевича затрудняетъ тотъ фактъ, что Польша была чужда и даже враждебна преданію св. Кирилла и Меѳодія, старавшихся сдѣлать христіанство вразумительнымъ для славянъ; онъ, правда, объявляетъ, что ихъ трудъ былъ внушенъ римскимъ престоломъ, что не совсѣмъ ясно доказывается многократными запрещеніями, произнесенными этимъ престоломъ противъ славянской литургіи еще при жизни Меѳодія и послѣ его смерти, и насильственнымъ подавленіемъ этой литургіи въ Богеміи и Далмаціи. Но какимъ образомъ онъ хочетъ представить Польшу средоточіемъ христіанской жизни у славянъ, когда она терпѣла, чтобы христіанство выражалось у нея на чужомъ языкѣ и когда она постоянно, болѣе или менѣе преслѣдовала славянское богослуженіе? Такая бездѣлица не останавливаетъ польскаго теоретика. Все это не бѣда, по его мнѣнію. Не достаточно ли, если религіозное образованіе преподается народу на родномъ языкѣ? Да и въ состояніи ли онъ понять Писаніе и литургію? Нѣтъ: все равно, переведены ли священныя книги или нѣтъ, проносятся ли «священныя формулы», сопровождающія таинства, полатыни, или пославянски, — и книги и формулы все же останутся недоступными уму простонародья и будутъ понятны лишь не многимъ ученымъ (смот. курсъ 1 лекц. 9). Ясно, что христіанство въ понятіи Мицкевича стало простымъ условнымъ обрядомъ, а таинства вѣры — исключительною принадлежностью образованнаго класса. Понятое въ такомъ видѣ христіанство, естественно, должно было потерять свой божественный смыслъ въ теоріи польскаго патріота, который выдавая себя за его апостола, приходитъ однако же къ невольному признанію, что

христіанство въ его глазахъ не достаточно. Считая дѣло Спасаителя не совершеннымъ, онъ богохульно замѣняетъ его коллективнымъ существомъ, польскимъ народомъ, который, по его мнѣнію, имѣетъ искупить будущія поколѣнія. А для того, чтобы найтти опору своей вѣрѣ, онъ прибѣгаетъ къ возвѣщенію чуда: таковъ дѣйствительно характеръ появленія новаго Мессіи, котораго призываетъ Мицкевичъ. Мои слова могли показаться жестки. Но къ чему мнѣ было скрывать мое негодованіе при видѣ слѣпой страсти вторгающейся въ святую область мысли, при видѣ даровитыхъ людей, почитающихъ себя патріотами, которые прибѣгаютъ къ явной лжи, чтобы на ней основать теоріи, лстящія ихъ узкимъ идеямъ. Нелѣпость формулы Мицкевича должна была осудить всю школу, и исключительно польскій патріотизмъ, породившій эти начала, уже не имѣетъ въ себѣ элементовъ для замѣны ихъ новыми».

22. «Поляки стоятъ одинокими въ славянскомъ мірѣ. Другіе славяне сожальютъ о нихъ; они желаютъ, чтобы они присоединились къ ихъ стремленіямъ, но не имѣютъ возможности питать къ нимъ дѣйствительнаго сочувствія. Событія 1848 г. дали на нѣсколько времени австрійскимъ славянамъ надежду, что поляки примутъ участіе въ ихъ дѣятельности. Они съ восторгомъ встрѣтили польскихъ депутатовъ изъ Галиціи, пріѣхавшихъ въ Прагу на славянскій сеймъ. Но вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, какъ далеко они расходились между собою въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Поляки хотѣли быть господами всѣхъ другихъ западныхъ славянъ, въ надеждѣ увлечь ихъ къ революціи, на которой они думали основать политическую независимость своего отечества и его первенство въ славянскомъ мірѣ; чехи, моравцы, словаки, словенцы, хорваты, сербы отвергали напротивъ всякую мысль о насильственномъ переворотѣ и желали только мирнаго развитія своихъ народностей. Обѣ стороны разошлись еще болѣе, послѣ закрытія сейма, и встрѣтились потомъ только на полѣ битвы, въ Венгріи: поляки—сражаясь за революцію, другіе славяне—за порядокъ и монархію. Такимъ образомъ, поляки отстранились отъ всѣхъ

своихъ западныхъ единоплеменниковъ и лишили себя возможности имѣть какое бы то ни было вліяніе на нихъ. Затѣмъ авторъ переходитъ къ русинамъ въ восточной Галиціи и на сѣверо-востокѣ Венгріи и говоритъ, какъ они, пробужденные отъ своего сна сочиненіями Зубрицкаго, воспрянули къ народному самосознанію, какъ сердечно они привязаны къ православнои вѣрѣ, хотя имъ навязали уніатскую церковь; какъ Австрія начинаетъ признавать русинскую національность только тогда, когда поляки въ Краковѣ и Лембергѣ обнаружили революціонные замыслы.—Освобожденіе крестьянъ въ Галиціи (въ 1848 г.) много способствовало развитію русинской стихіи. Но поляки напали на эти новыя стремленія съ неимовернымъ озлобленіемъ. Они называли русскую или русинскую народность въ Галиціи выдумкой австрійскихъ бюрократовъ и упорствовали въ своей ослѣпленной враждѣ къ этой народности, несмотря на благородныя усилія лучшихъ чешскихъ, хорватскихъ и сербскихъ публицистовъ—склонить ихъ, именемъ справедливости и собственныхъ ихъ выгодъ, къ тому, чтобы они отказались отъ мысли налагать свой языкъ и свою народность на племя, желавшее воспользоваться правами внутренней самостоятельности, которыхъ поляки же требовали для самихъ себя.

23. «Добровскій создалъ панславизмъ, показавъ живое родство всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Его преемники перенесли идею панславизма въ область историческихъ наукъ и литературы. Прошу своихъ читателей не ужасаться этого слова «панславизмъ», которое я употребляю. Германія и въ особенности Австрія, боясь славянъ и ихъ соединенія, которому онѣ всегда приписываютъ, частью по невѣдѣнью, частью же по недобросовѣстности, совершенно чуждый ему политическій и революціонный характеръ, старались сдѣлать изъ панславизма какое то страшилище для Европы. Чтобы навлечь на него ненависть Запада, онѣ говорили, что панславизмъ приведетъ рускіе орлы на берега Адриатики и на Эльбу. Чтобы заподозрить его въ глазахъ Россіи, онѣ придавали ему демагогическій харак-

теръ и пользовались для того мнимо панславистическими произведеніями. Впрочемъ событія 1848 и 1849 годовъ свидѣтельствуя, какъ мало въ австрійскихъ папславистахъ склонности къ демагогіи и какъ ихъ стремленія, миролюбивыя, неопасны для спокойствія и образованности Запада».

Мы рекомендуемъ нашимъ читателямъ въ особенности прекрасные отдѣлы французской брошюры ¹⁾, которые посвящены чехамъ и сербамъ и представляютъ правильную оцѣнку гибельнаго римскаго вліянія, какое Копитаръ и Вукъ оказали на сербскую литературу.

Изъ предъидущаго мы видимъ, какъ славяне, воспитанные въ православіи, консервативны, тверды въ вѣрѣ и тяготѣютъ къ Россіи, какъ духовному средоточію ²⁾, напротивъ приверженная къ романизму Польша исходитъ кровію отъ своихъ собственныхъ Римомъ возвращенныхъ недостатковъ, всѣми оставлена, въ немногихъ возбуждаетъ состраданіе, никѣмъ не любима. Православіе стремится къ связи и единенію, а лозунгъ Рима и Польши: *divide et impera*. Одно спасеніе, одна надежда для Польши, если она оставитъ романизмъ и обратится къ православію. Тогда она можетъ опять возродиться, какъ фениксъ изъ пепла, и вступить въ качествѣ равноправнаго члена въ великую славянскую семью. Тогда настанетъ конецъ революціи и демагогіи, ибо внутренній духъ православія охранителенъ и миренъ.

¹⁾ Эта брошюра помѣщена на русскомъ языкѣ въ «Русской Бестѣ» за 1858 годъ и въ собраніи сочиненій А. Ф. Гильфердинга, изданныхъ въ прошломъ 1868 году. *Ред.*

²⁾ И у славянъ, принадлежащихъ къ римской церкви (чеховъ и пр.) не умеръ православный духъ, ибо романизмъ не перешелъ у нихъ въ плоть и кровь, какъ у поляковъ. Чехи не могутъ забыть своего Гуса, боровагося съ папствомъ; и русины массами переходятъ за границу для богомоля въ православныхъ церквахъ. Папская тиранія, которая не только отняла у нихъ славянскую литургію, но и при папѣ Іоаннѣ XIII торжественно запретила имъ употребленіе Кириллицы, должна прекратиться. Они должны возвратитъ свою литургію, отказаться отъ служенія Риму и пойти своимъ славнымъ путемъ въ полное обладаніе православною истинною.

24. Теперь читатель яснѣ увидитъ, почему мы въ дѣлѣ возстановленія западной православно-каѳолической церкви за помощію обращаемся именно къ русской церкви.

Намъ не пужно здѣсь подробно раскрывать плащъ этого дѣла, потому что мы обстоятельно говорили о немъ въ нашемъ сочиненіи: *Православная каѳолическая церковь, протестъ противъ папской власти и воззваніе къ основанію національныхъ каѳолическихъ народныхъ церквей* ³⁾, и поэтому просимъ благосклоннаго читателя обратить вниманіе на это сочиненіе и особенно на помѣщенное въ немъ *прошеніе къ св. правительствующему Синоду русской церкви*. Слѣдующія положенія могутъ служить руководной нитью къ уразумѣнію идеи и осуществленія на дѣлѣ западной православно-каѳолической церкви.

Единая, святая, каѳолическая и апостольская церковь существовала видимо и осязаемо и обнимала все христіанство до тѣхъ поръ, пока великая римская схизма не разорвала Востока и Запада.

Состояніе (*status quo*) вѣры и церковнаго управленія, какое существовало до схизмы, неизмѣнно сохранено только восточною церковію, между тѣмъ какъ Римъ переходилъ отъ одного пововведенія къ другому, провозглашалъ догматы за догматомъ, сочипалъ или отмѣнялъ канонъ за канономъ. Слѣдовательно восточная церковь есть вѣрная представительница церкви *нераздѣльнаго христіанства*, т.-е. церкви, которая обнимала весь міръ и была *единою безспорною вселенскою церковью*, доколь Римъ не раздѣлялъ христіанства на два враждебные стана. Протестантизмъ, какъ созданіе повѣйшаго времени, какъ отрицательный протестъ противъ растлѣнія средневѣковаго Рима, какъ субъективное человѣческое зданіе безъ объективнаго божественнаго церковнаго основанія, не можетъ идти здѣсь въ разсмотрѣніе, потому что мы имѣемъ дѣло только съ *видимой, исторической, каѳолическою церковью*, основанной Христомъ

³⁾ Это сочиненіе передано въ русскомъ переводѣ въ январской книжкѣ *Православнаго Обозрѣнія* сего 1869 года. *Ред.*

и апостолами, и которой апостолы передали не мертвую книгу (Библию), но живое, по преданію переходящее, отъ поколѣнія къ поколѣнію распространяемое наслѣдіе вѣры.

Православная церковь неоспоримо и безпрекословно есть церковь *нераздѣльнаго христіанства*, потому что она опирается на семи вселенскихъ соборахъ, общеризнанномъ основаніи церкви нераздѣльнаго христіанства. И какъ церковь нераздѣльнаго христіанства была дѣйствительно *единой и единственной*, истинною католическою церковью, *которая исключала всякую другую церковь*, такъ и теперь православная церковь—*единая и единственная*, истинная католическая церковь, *исключающая всякую другую*. Слѣдовательно ни римско-католическая церковь, ни протестантскія исповѣданія (къ которымъ принадлежитъ и англиканская церковь) не могутъ имѣть притязанія на то, чтобы быть католическою церковью, или частью ея. Онѣ не болѣе какъ общества инославныя (*hétérodox*) и находятся *внѣ церкви*. И какъ только онѣ сознаютъ эту истину,—ихъ долгъ *немедленно* оставить свою церковь и присоединиться къ православно-католической церкви.

Хотя восточная церковь въ настоящее время есть единственная хранительница православія, однако выраженія: «восточная церковь» и «православная церковь» не тождественныя или однозначащія понятія. Правда, въ настоящую минуту эти понятія вполнѣ совпадаютъ между собою и замѣняютъ другъ друга, но какъ до схизмы существовала и западная православная церковь, такъ можетъ она же опять получить жизнь, такъ что православная церковь будетъ состоять изъ двухъ сестеръ—восточной и западной церкви.

Поелику по предначертанію божественнаго Промысла и внушенію св. Духа апостолы основали не восточную только, но и западную церковь, и онѣ обѣ породили цѣлый сонмъ святыхъ и отцевъ церкви, то было бы *ослѣпленіемъ, дерзостью, почти богохульствомъ* отказывать въ правѣ существованія западной церкви, если она соотвѣтствуетъ требованіямъ православія.

Только близорукіе и ограниченныя умы могутъ утверждать, что человѣкъ Запада способенъ снять съ себя, какъ какое-нибудь платье, свою природу и свои особенности, и жить въ восточномъ образѣ рѣчи и мысли. Конечно, чрезъ изученіе и постоянное обращеніе можно постепенно орьентироваться и въ мірѣ чуждыхъ идей, т.-е. насильно переработать себя, но никогда чуждое намъ не перейдетъ въ наше существо, въ нашу плоть и кровь. Иеронимъ долго жилъ на Востокѣ, но все-таки остался человѣкомъ Запада. Сравните проповѣди Василія или Златоуста съ проповѣдями Августина или Льва, и вы увидите огромную разницу между ними.

Богъ создалъ насъ западными, и человѣкъ не долженъ и не можетъ измѣнять насъ въ восточныхъ, да онъ и не въ состояніи сдѣлать это: по наружности можно преобразовать человѣка, но сердце и духъ его остаются тѣ же, какіе были.

25. Теперь является вопросъ: *какимъ образомъ совершить на дѣлѣ возстановленіе западной православно-каволической церкви?*

Объ этомъ мы говорили на 20 и 21 стр. вышеупомянутаго сочиненія нашего и просимъ прочесть относящіяся сюда мѣста. Здѣсь же присоединимъ только нѣсколько дальнѣйшихъ замѣчаній. Еслибы мы захотѣли возстановить до-схизматическую западную церковь *антикварнымъ* образомъ, то вышло бы обширное, историко-критическое ученое изслѣдованіе, котораго мы здѣсь не имѣемъ въ виду. Мы же стремимся къ *практическому* разрѣшенію вопроса: *какимъ образомъ нынѣшнюю инославную западную церковь преобразовать въ православную и сдѣлать ее по существу такую же, какою она была до схизмы?* Нашъ отвѣтъ таковъ: *Удалите все инославное изъ римско-католическаго ученія и изъ римско-католическихъ церковныхъ книгъ, и тогда будете имѣть существовавшую до схизмы православно-каволическую западную церковь.* Такимъ образомъ нашъ путь существенно упрощенъ и точно опредѣленъ, но и при этомъ дѣло все-таки будетъ очень продолжительно. Между тѣмъ спрашивается: должно ли *сначала* окон-

читать пересмотръ въ православномъ духѣ римско-католическихъ церковныхъ книгъ, и потомъ уже приступить къ дѣлу возсозданія западной православно-каѳолической церкви? Мы отвѣчаемъ на этотъ вопросъ отрицательно, и думаемъ, что слѣдующее предложеніе гораздо практичнѣе и сообразнѣе съ существомъ дѣла.

Пусть возьмутъ *Missale Romanum* и найдутъ между службами на великую Субботу и Воскресеніе Христова *последованіе* миссы—*Ordo Missae*, т.-е. общую схему западной литургіи. Составныя части ея, измѣняющіяся по временамъ года и по праздникамъ (входное, чтенія изъ Апостола и Евангелія) отмѣчены особо при каждомъ случаѣ. *Ordo Missae* такимъ образомъ есть неизмѣнная, неподвижная часть литургіи; подвижныя же, измѣняющіяся части составляютъ весьма небольшой отдѣлъ литургіи. Слѣдовательно прежде всего нужно пересмотрѣть *Ordo Missae*, занимающій отъ 20 до 30 стран. въ осьмую долю листа. Это далеко не исполинскій трудъ, и если имъ заниматься *по часу въ день*, то въ мѣсяцъ можно окончить его совершенно добросовѣстно. Но мы желали бы еще болѣе сократить эту работу и довести ее до минимума, и для того уже пересмотрѣли *Ordo Missae*, и нашу работу представляемъ въ распоряженіе православнымъ церковнымъ властямъ—въ случаѣ, если они найдутъ возможнымъ сдѣлать изъ нея употребленіе.

Какъ малыя по объему—подвижныя части литургіи можно просматривать въ теченіи года, такъ, чтобы всегда запасъ ихъ для наступающаго мѣсяца былъ уже пересмотрѣнъ и приготовленъ къ употребленію въ концѣ предыдущаго мѣсяца, и такимъ образомъ могла быть совершаема полная литургія.

Взявшись за дѣло такъ практически, можно совершить литургію чрезъ 4 или 6 недѣль. А литургія душа богослуженія, солнце и средоточіе, вокругъ котораго все вращается; слѣдовательно по утверженіи ея, можно тотчасъ приступить къ основанію нашей западной православной церкви, поручивъ нѣкоторымъ, уже перешедшимъ въ православіе, западнымъ свя-

щенникамъ принимать новообращенныхъ по чину употребляемому въ русской церкви (какъ его перевелъ въ Берлинѣ протоіерей Серединскій). Исповѣдь и другія таинства можно на время отправлять по восточному чину—до тѣхъ поръ, пока не будутъ пересмотрѣны западныя церковныя книги, но литургія будетъ тотчасъ же совершаема по обряду западному.

Такимъ образомъ наша православная западная церковь можетъ устроиться менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца, хотя бы окончательный пересмотръ и полное введеніе западнаго обряда потребовалъ значительно большаго времени. Покончивъ дѣло съ литургіею, мы будемъ имѣть уже ключъ къ нашей церкви и можемъ тотчасъ открыть ее.

26. Прежде всего необходима скорость, если мы не хотимъ уступить Риму большую часть алчущихъ спасенія душъ, именно въ англиканской церкви. Эти люди чувствуютъ настоятельную потребность въ церкви съ истинными священниками и таинствами, но не желаютъ ждать въ неопредѣленныхъ надеждахъ. Они хотятъ видѣть предъ собою церковь существующую, видимую, осязаемую, а не такую, которая существуетъ только въ идеѣ. Они готовы—за неимѣніемъ лучшаго (*par faute de mieux*) перейти въ римскую церковь.

Настоящія отношенія особенно благоприятны нашему дѣлу. Теперь повсюду господствуетъ глубокое отвращеніе къ ультрамонтанамъ. Даже между самыми ярыми папистами замѣтно разногласіе. Протестанты глубже и глубже погружаются въ сомнѣніе и невѣріе и тѣмъ открываютъ глаза вѣрующей части своихъ братьевъ, такъ что они обращаютъ взоры свои къ церкви, какъ къ единственно-вѣрной пристани. Но гдѣ же та церковь, къ которой они могли бы примкнуть? Римская церковь отталкиваетъ даже своихъ собственныхъ дѣтей—какъ же стремиться къ ней чужому? Восточная слишкомъ далеко отъ нихъ. Они ея не знаютъ, да и не желаютъ узнать, потому что еще съ молокомъ матери всосали предубѣжденія противъ нея... Но дайте имъ православную западную церковь—ихъ западный духъ тотчасъ пойметъ ее и полюбитъ.

Впрочемъ главный споспѣшникъ нашего дѣла самъ папа, который посредствомъ своего собора оказываетъ плохую услугу своей церкви. *Quem Deus perdere vult dementat* (кого Богу угодно погубить, у того отнимаетъ умъ). Желая быть непогрѣшимымъ, онъ требуетъ, чтобъ вѣрующіе дали ему *бланкъ*, въ который онъ, или лучше, его довѣренные, іезуиты, могли бы вписывать все, что имъ заблагоразсудится. Въмѣсто того, чтобы, оставаясь въ покоѣ, стараться заставить позабыть содержаніе извѣстной Энциклики и Силлабуса, онъ ведетъ дѣло все хуже и хуже. Для примѣра мы упоминаемъ здѣсь о двухъ пунктахъ. Первый—это злоупотребленія Пія канонизаціей (причисленіемъ къ лику святыхъ). Эта канонизація въ послѣднее время приняла чисто демонскій характеръ съ тѣхъ поръ, какъ кровожадный великій инквизиторъ Арбуэцъ и осквернитель могилъ Кунцевичъ были вознесены на алтарь и представлены вѣрующимъ для поклоненія. Но худшее здѣсь еще не то, что *чудовища въ образъ человека* выставляются какъ примѣръ для подражанія, а то, что чрезъ это одобряются и запечатлѣваются негодные и отвратительные *принципы*. Въ лицѣ Арбуэца намъ предстаетъ воплощенный принципъ, требующій для церкви *даже власти надъ нашими тѣлами*. Кунцевичъ живое олицетвореніе развращеннаго поляка со всеми его недостатками и пороками. Въ немъ полякъ поклоняется самъ себѣ и обоготворяетъ свою національность, т.-е. свою передѣланную Римомъ національность, искаженную до того, что ея узнать нельзя. Канонизація Кунцевича была мщеніемъ Россіи отъ разгнѣваннаго папы, и должно отдать ему справедливость, онъ не могъ выбрать лучшаго представителя поляковъ, чѣмъ Кунцевичъ. Кто желаетъ ближе познакомиться съ этимъ злодѣемъ, тотъ пусть прочтетъ книгу протестантскаго проповѣдника Л. Буассара «L'Eglise de Bussie» Paris 1867 (tom. II p. 109—115). Стоитъ также прочитать римскаго біографа и панегириста этого новаго святаго, іезуита Мартынова. Иосафатъ Кунцевичъ былъ умерщвленъ угнетеннымъ и ожесточеннымъ народомъ; тогда папа Урбанъ VIII писалъ Сигизмунду слѣдующія, характеризующія

сущность папства, слова: «Да будет проклятъ тотъ, кто держитъ мечъ свой въ ножнахъ и не рѣшается проливать кровь (ecclesia non sinit sanguinem)?! Не жалѣй огня и меча! Воодушевшись благочестивымъ гнѣвомъ! Казнь безбожныхъ осуши слезы оскорбленной церкви!»

Это ведетъ насъ ко второму пункту—*нетерпимости*, къ жаждѣ преслѣдованія и къ власти тѣлеснаго наказанія, которой римская церковь требовала какъ права. Еще въ IV вѣкѣ Химерикъ изъ Таррагоны желаетъ отсѣченія неизцѣлимыхъ членовъ. Это тѣлесное насиліе долго существовало въ западной церкви на практикѣ, хотя и не рѣшались принять его теоретически, и хотя любимымъ изреченіемъ было: *ecclesia non sinit sanguinem*. Еретика предавали для наказанія свѣтской власти, проливали нѣсколько крокодиловыхъ слезъ и умывали руки въ знакъ своей невиности. Еслибы церковь осуждала сожженіе еретиковъ, то у нея въ рукахъ всегда были духовныя средства—запрещеніе и отлученіе отъ церкви для удержанія государства и народа отъ подобнаго дѣйствованія. Она этого не сдѣлала,—я тѣмъ показала свое собственное расположеніе.

Православная церковь всегда защищала принципъ терпимости и чрезъ это присоединила къ себѣ миллионы раскольниковъ. Н. Тургеневъ, («La Russie et les Russes, Paris 1847 III. 76), котораго безъ сомнѣнія нельзя заподозрить въ пристрастіи, говоритъ, что терпимость всегда была *характеристической чертой* русскаго народа и русскаго правительства. Патріархъ константинопольскій Максимъ въ своемъ письмѣ къ Джіованни Мочениго, дожу Венеціи (1480), говоритъ, что законъ Божій не дозволяетъ принужденія (*νόμον θεου το ἀβίαστον*). А Кириакъ Ламприлосъ («Le Turban et la Tiare» Paris 1865. p. 11.) говоритъ: «Есть исламизмъ сильный и исламизмъ слабый,—такъ же, какъ и *папизмъ*, и вообще всякое исповѣданіе, которое проповѣдуетъ право принужденія въ дѣлѣ религіи. Они жестоки и надменны, когда владѣютъ матеріальной силой,—льстивы и снисходительны, когда не имѣютъ ея.

Къ вѣчной славѣ восточной церкви должно сказать, что она никогда не проповѣдывала этого анти-христіанскаго начала. Она всегда и во всякъ случаяхъ отвергала его чрезъ своихъ іерарховъ и своихъ учителей, и торжественно осудила его на соборѣ, во св. Софїи бывшемъ для осужденія соглашеній флорентійскихъ.

Православная церковь читаетъ въ Евангелїи (Луки 9, 54—55): «Господи, хочешли, мы скажемъ, чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ (Самарянъ). Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ и сказалъ: не знаете, какого вы духа. Ибо Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, но спасать.» И опять Иисусъ говоритъ Петру (Матѣ. 26, 52): «возврати мечъ твой въ свое мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнуть». И: «кто благовѣствуетъ вамъ не то, что вы приняли, да будетъ анаѣема!» (Гал. 1, 9).

Итакъ папа подвергъ анаѣемѣ самого себя этими выразительными словами Евангелїя, которое онъ долженъ проповѣдывать!

27. Настоящія обстоятельства чрезвычайно благопрїятны для возстановленія православной западной церкви. Необходимо приступить къ дѣлу немедленно, не теряя времени, чтобы не пропустить поры, когда сіяетъ солнце.

Вышеупомянутое прошеніе къ св. правительствующему Синоду русской церкви, снабженное многочисленными подписями, уже отправлено по назначенію. Слѣдовательно первый шагъ къ осуществленію великой идеи уже сдѣланъ. Да воспламенить и направить Богъ сердца высокихъ властей церкви къ скорѣйшему совершенію дѣла, которое можетъ быть благословеніемъ для всей Европы *)!

*) Здѣсь слѣдуетъ нѣсколько словъ, въ которыхъ г. Овербекъ довольно рѣзко, односторонне и пристрастно касается дѣла извѣстнаго Гаерля, предпринимающаго устройство въ Англїи православнаго храма для богослуженія по греко-россійскому обряду. Мы ихъ опускаемъ изъ уваженія къ самому дѣлу и въ особенности къ вполне почтенной, искренней и добросовѣстной личности г. Гаерля, къ которой весьма сочувственно отнеслась

Заклучимъ теперь тѣми же словами, съ которыми обращались къ читателямъ въ прежней нашей брошюрѣ.

Любезные восточные братья! Позвольте устранить предразсудокъ, который встрѣчалъ я въ нѣкоторыхъ изъ васъ. Именно говорятъ: «намъ нѣтъ никакого дѣла до западной церкви: кто хочетъ быть православнымъ, тотъ долженъ быть православнымъ по восточному.» Тѣ, которые такъ говорятъ, совершенно забываютъ, что сами же апостолы основали не только восточную, но и западную церковь; что мы западные такъ же имѣемъ право на существованіе, какъ и восточные; что мы никогда не можемъ сдѣлаться настоящими восточными, потому что нельзя отречься отъ своей внутреннѣйшей природы. Попробуйте, — и вы увидите, что къ восточной церкви можетъ быть перейдутъ нѣсколько обращенныхъ, тогда какъ въ западную православную потекутъ тысячи, потому что она болѣе отвѣчаетъ ихъ западной природѣ. А сверхъ того, что вамъ пользы въ томъ, что вы сдѣлаете насъ не настоящими восточными? Не Востокъ или Западъ насъ спасаетъ, а Православіе, которое не связано ни съ какою страной. Если вы возбраните намъ быть западными православными, то вы поступите малодушнѣе и неуступчивѣе самихъ папистовъ, которые никогда не оспаривали у восточныхъ права сохранять свой обрядъ. Если вы возбраните намъ быть православными западными, то на васъ падетъ вина, что ринутся въ протестантизмъ тысячи людей, которыхъ вы могли бы привести въ православіе, если бы вы не поставляли имъ несправедливаго требованія отречься отъ западной своей природы. Мы уповаемъ на Господа, что наибольшее число православныхъ убѣдится, что ошибочно обязывать западъ къ восточному обряду. *Naturam si*

образованная часть Москвы и съ которою ред. *Пр. Обзор.* имѣла пріятный случай познакомиться. Пусть каждый въ этомъ великомъ дѣлѣ единенія дѣлаетъ, что можетъ, по Божіей помощи, въ духѣ единенія и мира, а не ревности и розни. *Ред.*

fugsa expellas, tamen usque resurret! Напротивъ, западная православная церковь тѣмъ крѣпче будетъ держаться восточной церкви, такъ какъ у нея во всемъ свѣтѣ нѣтъ иного друга. И восточная церковь могла бы порадоваться,— что, наконецъ, послѣ тысящелѣтней одинокой ея работы, снова явится къ ней другъ и вѣрный соработникъ въ вертоградѣ Господнемъ.

Обратите же взоръ свой, восточные братія, на тотъ великій, славный день, когда мы будемъ стоять предъ вашими престолами, а вы предъ нашими, и когда будемъ праздновать торжество церковнаго общенія и единенія. И вы, любезные западные братія, почувствуйте утѣшеніе и радость, что вы избавились отъ ига и тиранніи папскаго раскола и папской ереси, и достигли вѣрнаго пристанища въ православіе! Тогда воспоемъ «Gloria in Excelsis», а наши братья отвѣтятъ намъ пѣсню: «ἅγιος ὁ Θεός, ἅγιος ἰσχυρός, ἅγιος ἀθάνατος.» Возмемся за дѣло немедленно и крѣико совокупными силами. Божіе благословеніе не оставитъ насъ!
